

АЛЕКСЕЙ ТОТ-САМЫЙ

ЗАПИСКИ ИЗ

ТЁМНОГО РАЙОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЧРЕЗМЕРНОЕ
УПОТРЕБЛЕНИЕ
АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ
ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

18+

Алексей Тот-Самый

Записки из тёмного района

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69613945

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга о непростом поколении девяностых-нулевых. О тех, чьи детство и юность формировались в условиях постсоветского хаоса. Противоречивый облик молодёжи с окраин, увековеченный в череде коротких рассказов. Обитатели типичного для тех лет «Тёмного района», проходят через суровую школу улиц, пытаясь скрасить свой однообразный досуг сомнительными развлечениями. Атмосфера поселковых будней девяностых-нулевых с предельной точностью оживлена на страницах данного произведения.

Содержание

Книга посвящается	5
Навыки	7
Ложка	12
Обстрел	18
Гнев Богов	28
Зимние забавы	31
Дворовый футбол	38
Диалог	41
Стандарт	42
Качели	45
Снегопад	49
И один в поле воин	61
Архитектура молодости	67
Спортсмен	74
Целебная симуляция	77
В подъезде	83
Молитва	90
Неказистые будни малолетнего курильщика	100
Коммунист	118
Диалог-2	122
А время не подскажете?	124
Володя Каменный	127
Зацеп	133

Зацеп. Часть 2	137
Бизнес	140
Need for speed[2]	149
Пародист	160
Ништяк-трава	165
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Алексей Тот-Самый

Записки из тёмного района

Книга посвящается

Беззаботной молодости, которая была ключом сквозь хаос и бесперспективность лихих времён.

Поколению тех, кто вырос на руинах Советского Союза и ещё нетвёрдом фундаменте современной России.

Детству девяностых и юности нулевых.

Всем тем, кто успел вдохнуть опасный воздух городских окраин и тёмных посёлков.

Тем, кто смотрел на родные улицы не через камеры телефонов, а с непоколебимым вызовом и азартом.

Тем, кто помнит разбитые носы и холодные ступеньки подъездов.

Тем, кто знает взаимосвязь между аудиокассетой и простым карандашом.

Тем, кто умел находить развлечения в бесперспективной серой повседневности.

Тем, кто искал выход в суровых лабиринтах жизни, но безвозвратно упёрся в тупик.

Тем, в ком бушевал контраст пылкой любви и леденящей душу ненависти.

Тем, кто до сих пор видит во снах родные улицы с ещё живыми братьями, друзьями и соратниками...

* * *

Все истории, представленные в данной книге, носят сугубо познавательный характер. Они состоят из мемуарно-художественного симбиоза и ни к чему не призывают. Напротив, автор осуждает любую незаконную деятельность и искренне верит в торжество добра!

Не стоит подражать персонажам, перенимать их образ жизни и элементы поведения. Всё это пережитки далёкого и тёмного прошлого, разбавленные бурной фантазией автора. А впереди прекрасное светлое будущее! (Но это не точно.)

* * *

Тем, кто застал, желаю душевного ностальгического чтения.

Тем, кто не застал, желаю познавательного погружения в историю предков.

Тем, кто не прошёл суровую школу улиц, предлагаю снять розовые очки и посмотреть на мир иначе.

С наилучшими пожеланиями,

Алексей Тот-Самый.

Навыки

Выход из квартиры в малолетнем возрасте – это как начало квеста. За спиной вдруг щёлкнул замок входной двери и отделил тебя от домашнего уюта. Теперь ты один на один с враждебным пространством. Цель – зайти за приятелями, которые живут преимущественно в частных домах. Возможно, они уже где-то на улице. Предполагаемые места их нахождения известны.

Сотовой связи нет, интернета тоже, а это значит, что с ранних лет жизнь учит полагаться лишь на собственные навыки, которые оттачиваются с каждым выходом из дома.

Логическое мышление и ориентирование на местности – два базовых навыка, без которых на улице делать нечего. Они необходимы для поиска друзей, с которыми предстоит делать родной район менее спокойным.

Как вариант, кто-то вынес мяч, и на самодельном футбольном поле идёт ожесточённая битва в «рачка», а может, от их прыжков сотрясаются крыши металлических гаражей. Не исключено, что за ними уже гонится хозяин огорода, в который они проникли без приглашения.

Вариантов масса, но скорее всего, раз за тобой ещё не зашли, то на улицу ты вышел первым. Это зачатки логического мышления. И раз так, то миссия по сбору команды возложена именно на тебя.

Но не всё так просто, квест начинается уже в подъезде. Слух улавливает всё, что происходит в узком пространстве многоэтажного лабиринта. Бурная фантазия рисует возможное происхождение доносящихся звуков. Мозг работает в усиленном режиме, обдумывая пути обхода. Опасность повсюду.

Из лифта, что поднимается вверх, может выйти сосед. За подпаленный зажигалкой звонок грозит возмездие. Дядя Саша по прозвищу Вандал не ищет доказательств вины, он всегда обвиняет тебя в силу возраста и проживания рядом. Он не сторонник читать морали, его тактика – преследование и угрозы. С ним лучше не встречаться.

Внизу, между этажами, слышны голоса. Напряжённый слух безошибочно идентифицирует тех, кому они принадлежат. Это «старшаки». Плотный запах курева обозначает причину их нахождения в подъезде.

Пройти мимо них без последствий практически невозможно. Можно лишиться своего незамысловатого имущества или просто получить лещей. Без причины. Тогда это было в порядке вещей. Ну или, как говорится, – был бы человек, а повод найдётся.

Ещё среди них мог находиться старший брат недавно приваленного твоей компанией сверстника, и тогда встреча со старшими могла стать ещё более травмоопасной.

Аккуратно глядя в щель между уходящими вниз перилами, ты безошибочно определяешь местоположение неже-

лательных элементов. Одновременно с этим твой донельзя напряжённый слух улавливает этаж, на котором открылся лифт.

Это не этаж Вандала, а значит, не всё так плохо. На лифте ты проезжаешь тот отрезок лестницы, где сидят «старшаки», а до первого этажа идёшь пешком. Ведь на выходе из трещащей кабины тоже есть шанс нарваться на недруга, у которого к твоей персоне есть ряд вопросов. Чем не навык партизанщины?

Ты вышел из подъезда без приключений – это уже удачное начало прогулки. Вокруг унылое однообразие гаражей, заборов, машин, домов. Под ногами старый развороченный асфальт. По нему перемещаются обитатели родного гетто – задиристые сверстники, спившиеся соседи, начинающие наркоманы.

Лишь ясная солнечная погода и благоухающая зелень скрашивают атмосферу местности. На улице, как и в твоём ясном беззаботном сознании, тёплое лето. Ты идёшь в направлении старого деревянного дома, где живёт твой друг.

Прежде чем открыть калитку и зайти к нему во двор, ты должен убедиться, что по двору не бегают здоровенная кавказская овчарка, которую иногда выпускают из вольера. Последствия сей неосторожности могут быть ещё плачевнее, чем встреча со «старшаками» в подъезде. Внимание к деталям – ещё один навык, которому учит суровая улица. Цена ошибки может быть очень высокой.

– Здравствуйте, а Андрей дома? – спрашиваешь ты у мамы друга под хриплый лай «кавказца» из вольера.

– Да он минут десять назад с Витей ушёл, – отвечает она из-за приоткрытой деревянной двери.

– А куда пошли, не сказали? – с прищуром недоверчивого следователя ты продолжаешь допрос.

– Вроде собирались в парк, – пожимает плечами тётя Та-ня.

– Ясно, – твой интерес к её персоне быстро гаснет. Квест продолжается.

По дороге в парк ты встречаешь пухлого Макса по прозвищу Беляш, который, истекая потом и неся под мышкой футбольный мяч, возвращается с поля домой. От него ты узнаёшь, что минут пять назад твои кореша были замечены возле колонки на соседней улице.

Наработанный навык коммуникации помог взять их след. Хорошее знание местности, в том числе расположение поселковых колонок выводит тебя на нужных людей. В момент твоего появления они азартно набирают ледяную воду из колонки в полторалитровую пластиковую бутылку.

– О, здоров! – искренне радуется Андрей, держа горлышко бутылки под сильным напором воды, – сейчас пойдём делать «капитошки», а потом на крышу.

– Круто! – без лишних вопросов ты включаешься в игру. Не успел закончиться твой квест по поиску команды, как во враждебном пространстве, существующем по законам

джунглей, опять становится напряжённо.

– Эй, щенки, вы вчера мне окна камнями покروшили? – быковатый голос нетрезвого мужчины резко оборвал процесс набора воды и переключил три молодых организма в режим спортивного бега.

Подобно хищнику в вышеупомянутых джунглях, поддавший агрессор среднего возраста стремительного вылетел из калитки напротив колонки и недвусмысленно обозначил свои намерения. Трое воссоединившихся друзей уже на бегу вспоминают о том, крошили ли они вчера стёкла кому-либо или стали подозреваемыми в преступлении, которого не совершали.

Спорт являлся неотъемлемой частью существования, ведь исходя из вышеизложенного, бегать приходилось часто. Жизнь была до предела наполнена драйвом и эмоциями. Тебе было десять лет, а вокруг царили лихие девяностые.

15.01.2022

Ложка

За окном стоял летний солнечный день. Во дворе Лёню ждали друзья.

Что они будут сегодня делать? Может быть, пойдут в парк, и, если кто-то вынесет мяч, поиграют в навес. А может, они будут без устали скакать по гаражам, слушая в свой адрес матерные послания их владельцев. Или, как вариант, обкидают камнями вагончики с рабочими на стройке, чтобы потом броситься от них врассыпную, получая дозы бодрящего адреналина прямо в молодую кровь.

И это далеко не полный перечень возможных занятий. Главное выйти на улицу и встретить друзей, а там уже бурная детская фантазия явит на свет новые идеи для развлечений.

С приподнятым настроением, в шортах и майке Лёня бежал по лестнице вниз. Обшарпанные стены родного подъезда проносились перед его глазами. Казалось, от его слонового топота тряслась бетонная лестница под ногами. Пролёт за пролётом, этаж за этажом, он был всё ближе к цели.

Разбегаясь, беззаботный мальчуган виртуозно хватался за перила и, подпрыгивая, пролетал примерно половину ступенек лестницы, после чего с грохотом приземлялся в очередном лестничном пролёте. От трения об перила его ладони горели огнём, а удары подошв о бетонный пол отдавали в пятки могучей вибрацией. Но для девятилетнего мальчишки

это было легко и совсем не больно.

Между четвёртым и третьим этажами Лёне пришлось значительно сбавить скорость, так как в этом пролёте он неожиданно нарвался на стандартных в его районе обитателей подъезда.

– Э, малой, куда так несёшься? – немного дерзко спросил парень среднего роста, что был одет в чёрные шорты Adidas и синюю футболку с эмблемой Reebok. Задав вопрос, он преградил Лёне путь.

От неожиданности девятилетний мальчуган остановился на предпоследней ступеньке и молча уставился на внезапно-го встречного.

Его лицо было Лёне знакомо: парнишку в шортах и футболке звали Кирилл, он жил в третьем подъезде на каком-то высоком этаже. Кажется, на восьмом, но это не точно.

За ним на лестничном пролёте шустрый малый заметил ещё нескольких парней. Кто-то из них стоял, прислонившись к изрисованной маркерами стене, кто-то сидел на корточках или на ступеньках уходящей вниз лестницы.

Все они были старше Леонида на несколько лет. Им было приблизительно от четырнадцати до шестнадцати.

– Фига ты летаешь, пацан! – сказал кто-то позади Кирилла. Лёня снова промолчал.

– Да ты не бойся, мы тебя трогать не будем, ты же свой пацан, местный, – Кирилл примирительно положил малому руку на плечо.

– Ну да, – Лёня кивнул в ответ.

– К тебе дело есть. Поможешь? – «старший» внимательно посмотрел молодому прямо в глаза.

– Ну, наверное...

– Короче, у тебя дома ложка есть? – пальцы Кирилла с силой сжались на плече Леонида.

– Ну да, есть. А зачем вам ложка? – ответил Лёня и попытался выгнуть плечо из-под хватки «старшака», но она была довольно крепкой.

– Надо! Я верну, зуб даю! – подмигнул Кирилл, – мы же все тут живём, ты нас знаешь.

– Ага.

– Пойдём тогда. Ты только это, по-тихому вынеси, чтоб родаки не знали. Железную надо. Лады? – проинструктировал Кирилл, поднимаясь вместе с Лёней вверх по лестнице.

– Лады, – ответил малой, абсолютно не понимая смысл происходящего.

«Что они там, в подъезде, есть собрались? Они же живут недалеко, что у них дома ложек нет? И зачем что-то есть в подъезде, если можно дома», – недоумевал беззаботный детский ум Леонида.

Кирилл остался на один этаж ниже, чтобы не светиться перед Лёниными родителями, а сам Лёня тем временем надавил на кнопку звонка. Дверь открыла мама.

– Ты чего вернулся?

– Да я это, кепку забыл, она где-то в шкафу, принесёшь,

мам?

– Сейчас, погоди, – мама ушла в дальний конец коридора и зарылась в шкаф.

Малолетний Лёня мгновенно юркнул на кухню, бесшумно вытащил из ящика столовую ложку и сунул за резинку шорт, прикрыв майкой сверху. Через несколько секунд он вернулся в исходное положение у входной двери.

Мама заботливо надела ему на голову тёмно-синюю кепку с согнутым козырьком. Над ним ярко вырисовывалось изображение черепашек-ниндзя. Молодая женщина в кухонном фартуке как обычно напонила:

– Приходи обедать и допоздна не гуляй!

– Ага! – согласно ответил сын и вышел за дверь.

Спустившись на этаж ниже, Лёня передал заветную ложку Кириллу.

– Красава! От души! Наш пацан! – искренне выпалил «старший» и одобрительно хлопнул малого по плечу, – короче, мы тут кое-чего сделаем, а потом я тебе её отдам при встрече.

– Лады, – ответил Лёня и, вызвав лифт, поехал вниз – на встречу друзьям и приключениям.

* * *

Ребята ненадолго расходились по домам, чтобы после недолгого обеда снова выйти навстречу играм и приключе-

ниям. Солнце припекало, жаркий летний день был в самом разгаре.

Подходя к своему подъезду, Лёня увидел Кирилла с некоторыми из тех, кого он встретил утром между четвёртым и третьим этажами. Один из парней сидел на корточках, уткнувшись лицом в колени, Кирилл и ещё один парень стояли, упираясь спинами в стену подъезда. Их головы были опущены вниз.

Когда покрасневший, вспотевший и запыхавшийся от бесконечного бега Лёня проходил мимо этой странной компании, один из «старшаков» медленно поднял голову. Увидев молодого, он ткнул локтём смотрящего вниз Кирилла и каким-то странным заторможенным голосом произнёс:

– Ложка!

Кирилл медленно поднял голову и также заторможено среагировал на телодвижения кореша:

– Чё?

– Ло-о-ожку, отдай ему ло-о-ожку! – произнёс друг Кирилла, неестественно медленно кивая в сторону Лёни.

«Точно! Мне же обещали вернуть ложку», – вспомнил малолетний мальчуган и остановился перед заторможенной компанией старших.

Сильно красные глаза Кирилла, в которых читалась какая-то всепоглощающая отрешённость, устремились прямо в Лёню. Он несколько секунд смотрел на малого опустошённым взглядом, будто и, не понимая, кто это такой и чего он

в принципе хочет. Через секунд десять Кирилл кивнул головой и медленно, почти по слогам произнёс:

– А-а-а, ложка. На, держи, братан!

С этими словами он вытащил столовый прибор из кармана и протянул его Лёне. Взяв ложку в руку, Леонид незамедлительно скрылся за дверью подъезда.

Ожидая лифт, малой рассматривал возвращённый предмет. Некогда чистая и светлая ложка приобрела какой-то ужасный, изуродованный вид. Некогда яркий алюминий был неисправимо чёрным с обеих сторон, будто бы его долго и упорно обжигали огнём.

Что они делали с его ложкой, Лёня понять не мог, но у него хватило ума не возвращать её на место. На это было, как минимум, две причины: во-первых, она могла быть какой-то заразной, а во-вторых, её вид был крайне плох, а лишние вопросы от родителей озорному мальчугану были совсем ни к чему.

«Ложкой меньше, ложкой больше, кто заметит?» – подумал Лёня и, приехав на свой этаж, выкинул палёную ложку в мусоропровод.

Через какое-то время народная молва донесла до наивного подростка реалии суровых улиц. Оказалось, что ложки нужны наркоманам для того, чтобы варить на них героин перед инъекцией.

23.05.2021

Обстрел

Они беззаботно неслись наперегонки по раскалённым от солнца крышам гаражей. От постоянных прыжков горячий металл покорно прогибался, а грохот эхом расходился по окрестностям. Усталость была неведома их молодым телам, а жизнь вокруг казалась простой и весёлой игрой.

Беготня по гаражам была одним из любимых развлечений уличного детства в период долгих летних каникул.

Им по десять-одиннадцать лет и их четверо: Андрей Тамбовец, Лёня Тихий, Витя Трус и их боевая подруга Ирка с шуточным прозвищем Дося.

Досей она звалась по причине сходства со свинкой-копилкой из рекламы стирального порошка Dosis. Пухлые румяные щёки Ирки идеально сочетались с обликом розовой хрюшки с экрана телевизора. Но как истинные джентльмены, мальчишки называли её Досей только между собой. Единственная дама в их озорной компании даже не подозревала о своём неказистом прозвище.

Вдоволь набегавшись по длинному ряду гаражей, неутомные юнцы уселись на горячем железе. Просто бегать взад и вперёд стало скучно, нужно было придумать что-то более экстремальное. Молодая кровь требовала больших доз адреналина. Недолго думая, Тамбовец, он же заводила и генератор хулиганских идей, предложил провести одну из повсе-

дневных пакостных операций под кодовым названием Обстрел.

Её суть заключалась в обстреле, то есть в забрасывании камнями вагончиков с рабочими на местной стройке, которая располагалась сразу за гаражами. Данная акция проводилась на регулярной основе. Благодаря зорким взорам и быстрым ногам, она всегда заканчивалась благополучно. Праведный гнев строителей ещё ни разу не поспел за шустрым бегом бесшабашных сорванцов.

– В общем, всё просто: подходим к крайнему гаражу, обстреливаем вагончики и ломимся туда, – Тамбовец тычет указательным пальцем на противоположный край длинного ряда гаражей, – потом ложимся и затихаем.

Обсудив незамысловатый план действий, подростки лихо прыгивают на землю и набирают «патроны», то есть камни. Тупые, острые, большие, маленькие – всё это добро распикивается по неглубоким карманам шорт.

В предвкушении бодрящего адреналина они лезут на невысокую красную «ракушку», с которой обычно начинается их гаражный марафон. Обгоняя друг друга и придерживая руками карманы, чтобы собранные камни не попадали вниз, ребятня залетает на первый высокий гараж и несётся прямо к стройке. На ней серым великаном подымается недостроенный десятиэтажный дом.

Приближаясь к крайнему гаражу, за которым метрах в десяти виднеются железные вагончики рабочих, «акционеры»

стремительно сбавляют темп и начинают передвигаться медленнее. Лишний шум и ненужное внимание могут сыграть с ними злую шутку.

Сердца начинают стучать сильнее и чаще, ноги непроизвольно встают на цыпочки, а разговоры затихают как по команде. Впереди опасная неизвестность.

Тихий и Тамбовец идут первыми, Дося следует за ними по пятам. Последним же, по законам жанра, плетётся осторожный и боязливый Трус.

Мир вокруг перестаёт существовать: пение птиц, крики людей, шум проезжающих мимо машин – всё это остается как бы за кадром. Что будет потом – неважно. Зачем об этом думать? Сейчас есть только цель – сиротливо стоящие вагончики, рассредоточенные вперемешку со строительной техникой на развороченной почве стройки.

Потные ладони до боли сжимают острые камни в карманах. «Акционеры» осторожно садятся на корточки у края последнего гаража и, словно партизаны, осматривают местность. Всё чисто: рабочих на улице не видать, наверное, сидят внутри. Пока они выбегут, можно спокойно пробежать весь ряд гаражей и, как обычно, затаиться на раскалённом от солнца железе.

Тихий и Тамбовец смотрят друг на друга, потом оборачиваются назад. Сразу за ними стоит их верная спутница Дося, а ненадёжный Трус уже бежит в обратную сторону. Стандартный для него поступок: струхнуть и «дать по тапкам».

Ну да ладно, на то он и трус.

Взгляды Тихого и Тамбовца вновь безмолвно встречаются – в них читается боевая готовность. Три, два, один.

Первый, довольно большой, камень с грохотом бьётся о железо и отлетает на изрытую техникой землю. Второй, что поменьше, дерзко врежется в крышу вагончика и, замерев, остаётся на ней. «Снаряды» под номерами три и четыре брошены слишком высоко, поэтому, перелетев через цель, еле слышно падают на землю.

Камни почти на исходе, ещё по два-три броска, и по плану активность рук должна заменить активность ног. Ещё один камень с грохотом бьётся о стенку. От мощного удара вокруг распространяется эхо. Юные «артиллеристы» шустро вскакивают на ноги, чтобы исполнить вторую часть плана, но в их детские уши врежется неожиданно громкий и повелительный крик:

– Стоять!

От столь непредсказуемого поворота событий Лёня с Андрюхой застыли на стадии разворота. Ирка, слегка заметавшись, попыталась убежать, но властный голос заставил застыть и её:

– Стоять, сказал! Побежите – догоню! Догоню – хуже будет!

Растерянные сорванцы были не в состоянии послушаться грубого мужского голоса, что дерзким приказным тоном доносился снизу. С земли, задрав голову вверх, на них смотрел

парень лет двадцати пяти в сильно грязных ботинках и строительном комбинезоне. На короткостриженной голове виднелась синяя кепка со значком «BMW».

– Слезайте быстро! – взглядом он указал на землю.

Ошарашенные юнцы стояли как вкопанные, не зная, что делать и как реагировать. На этот раз их явно переиграли. Было совершенно ясно, что в случае попытки побега молодой строитель догонит обнаглевших от безнаказанности подростков без особых усилий. Повисла неловкая пауза.

– Слезайте, бляха муха! Или мне самому слазить за вами? – бросил рабочий стандартно грубо.

– А бить не будете? – аккуратно поинтересовался Тамбовец.

Этот вопрос молодой строитель загадочно проигнорировал и, сплюнув на пыльную почву, продолжил свой недружелюбный монолог:

– Девчонка может остаться там, а вы двое сигайте сюда! Последний раз говорю: или спрыгиваете сами или падаете с моей помощью! Больше предупреждать не буду.

– Мы больше не будем кидать, извините! – Тамбовец начал проявлять неожиданные навыки дипломатии.

– Дело в том, что вы уже кинули и не раз. Так что вся эта лирика не прокатит. Короче, считаю до трёх и лезу за вами – с явным раздражением выпалил незнакомец.

Первой слезла Дося, хотя её и не просили. Этим незамедлительно воспользовался моральный манипулятор в строи-

тельном комбинезоне:

– Смотрите, девочка слезла, а вы, два пацана, ссыте прыгнуть. Позорище!

– А точно бить не будете? – снова спросил Тамбовец.

– Да нужен ты мне, бить тебя. В общем, раз! – устав ждать, он начал отсчёт.

Делать было нечего, пацаны спрыгнули вниз и под конвоем молодого рабочего направились в сторону недавно обкиданных камнями вагончиков. Ирка верно и по-товарищески шагала следом.

* * *

– Смотри, дядя Вася, кого привёл! – молодой рабочий с задором в голосе обратился к старому мужику в таком же, как он, комбинезоне.

Дядя Вася сидел за деревянным столом, держа в одной руке откусанный сухарь, а в другой заляпанную белую кружку, из которой торчала нить чайного пакетика. Рядом стояла стеклянная пепельница. Из неё криво торчали мятые фильтры «бычков». В маленьком тесном вагончике стояли едкие запахи пота, еды и курева.

– Ну чего, шпана, добро пожаловать! – с какой-то зловещей иронией проговорил работяга в возрасте и громко отхлебнул из заляпанной кружки.

Невольные гости юных лет нерешительно стояли у две-

ри. Сзади проход загораживал тот самый молодой рабочий в комбинезоне и кепке со значком «BMW».

– Ну чего, Андрюх, давай начнём! Ты или я? – старший строитель обратился к своему коллеге.

– Я сам справлюсь, дядя Вась, – подмигнул «конвоир». После этого он перевёл взгляд на «узников» и скомандовал: – Садитесь на лавку!

Малолетние «артиллеристы» покорно сели на противоположной стороне стола напротив дяди Васи, который, обнажив свои наполовину золотые зубы, с хрустом откусывал сухарь.

В руке у молодого работяги появился молоток. Резким движением он закрыл дверь на щеколду и сел напротив напряжённых подростков, по правую руку от дяди Васи.

Воцарилась тревожная тишина. Оба рабочих зловеще молчали и не сводили внимательных взглядов со своих невольных гостей. По спинам провинившихся юнцов пробежали мурашки. Молоток был по-прежнему зажат в руке недобро смотрящего рабочего.

«Бах!» – резко и с размаху железная головка ударила в деревянный стол. От неожиданности юнцы немного дёрнулись и раскрыли рты.

– Встать! Суд идёт! – имитируя судью, произнёс молодой рабочий.

Его немолодой коллега несколько секунд сидел неподвижно, наблюдая за реакцией молодёжи. Всмотриваясь в поблед-

невшие лица «пленников», строители ехидно переглянулись и через несколько мгновений разразились гомерическим хохотом.

– Да ладно, расслабьтесь! Никто вас не тронет! – неожиданно Андрюха убрал молоток под стол.

– Судья, ёпт, – всё ещё хихикая, покачал головой дядя Вася.

Лицо недавно ржавшего во весь голос парня в комбине-зоне вновь стало серьёзным. Окинув изучающим взглядом троих подростков, он завязал с ними довольно строгий диалог:

– Родители есть?

– Есть! – хором ответила ребятня.

– Где живёте?

– Да тут рядом! – Лёня Тихий указал пальцем в сторону соседнего от стройки дома.

– А я там живу! Ну, рядом с парком, – Андрей Тамбовец кивнул в направлении своего дома.

– А мой дом около трассы. На этой же улице, – обозначила место жительства Ирка Дося.

– Местные, значит? А в какой школе учитесь?

– В девятой, – ответил за всех Тамбовец.

– О! Я тоже учился в девятой, – заметно приободрился молодой строитель, – там директор всё ещё Лукина?

– Ага, она самая – подтвердил Андрей.

– Бессмертная! С советских времён там работает, еще мой

батья при ней учился, – с ностальгическими нотками в голосе выдал собеседник ребят.

Сделав короткую паузу и ещё раз оглядев малолетних проказников, он продолжил:

– Ну чего, я знаю, где вы живёте, пойдёте к вам домой.

– Родителям расскажете? – спросил Лёня.

– Зачем? Обкидаю ваши дома камнями! – ответил Андрей-строитель, – знаете древнюю истину: «Око за око, зуб за зуб».

– Камень за камень! – вставил свои пять копеек дядя Вася и философски поднял указательный палец вверх.

– Не надо, мы больше не будем! Честно! – Андрюха Тамбовец снова проявил настойчивую склонность к дипломатии.

– Да ну? Вы сколько раз уже это делали? – с недоверчивым прищуром спросил немолодой дядя Вася.

– Теперь они не будут кидаться, правда! Я за ними прослежу, – поддержала ребят отважная Дося.

– Добро, – Андрюха-строитель поднял большой палец вверх и, лениво потянувшись, задал новый вопрос: – Кота Леопольда смотрели?

– Ну да.

– Какая там главная фраза?

– Давайте жить дружно! – мигом среагировал Лёня.

– Во! – дядя Вася снова поднял указательный палец вверх и повторил заветную фразу: – Давайте жить дружно!

– Ну, серьёзно, ребят, завязывайте с такой хернёй. Если нечем заняться, приходите к нам на стройку, покатаем в ковше. Вон, видели экскаватор за окном? – спросил Андрей, наконец-то сняв с головы свою фирменную кепку со значком «BMW» и явив взору коротко стриженный череп.

– На экскаваторе-то прикольно будет! – оценивающе воскликнул Тихий.

– Ну вот и всё, ё-моё! Залезете в ковш, и Саня вас покатает. Сейчас он дрыхнет в соседнем вагончике, а так прокатит – вообще не вопрос. И больше никаких камней, по рукам? – подвёл итог молодой рабочий.

– По рукам! – хором отозвались усмирённые юнцы.

– Если какие проблемы будут, приходите сюда, спросите Андрея, меня тут все знают. Всё порешаем. И больше не хулиганьте! – примирительно подмигнул Андрей-строитель.

– Круто! Больше не будем хулиганить! – пообещал генератор хулиганский идей, он же Тамбовец.

Подойдя к двери, работяга откинул щеколду и распахнул дверь.

– Давайте, ребят, до встречи!

– До свидания!

С тех пор в вагончики не прилетело ни одного камня, ведь отныне там обитали «свои люди». Победила дружба.

29–30.05.2021

Гнев Богов

С высоты всё выглядит иначе. Ты как бы становишься не участником, а наблюдателем. Оглядываешь окрестности зорким орлиным взглядом и можешь позволить себе разные шалости. И если там внизу за свои проступки можно знатно отхватить, то здесь, ты практически недосягаем.

Попасть на крыши многоэтажек, коих на районе всего две, можно было в двух случаях: 1) если ты сотрудник коммунальной службы с ключом; 2) если ты подросток, и твоё несозревшее тело без труда пролезает в решётку.

Именно благодаря второму пункту по крышам обеих многоэтажек постоянно рассекала местная шпана. Нужно было лишь подняться на последний этаж, убедиться в том, что там никого нет и резким умелым движением просочиться между металлическими прутьями. Пара секунд, и ты по ту сторону «портала». «Портала», через который не пройдёт взрослый без ключа, ведь расстояние от прута до прута плюс-минус двадцать сантиметров, а это непреодолимая преграда для взрослого тела.

И вот заветная крыша. Шикарный вид и ощущение превосходства. Внизу копошится невзрачный район, а ты смотришь на всё это глазами Бога.словно с древнегреческого Олимпа взираешь на простых смертных и можешь ниспослать на них свой гнев или помиловать, в зависимости от на-

строения.

Вот внизу блатной походкой шагает Коля Око из старших. За ухом сигарета, в руках чётки. Чёрные спортштаны с белыми полосами елозят по мокрому от дождя асфальту. Око лучше «помиловать», ведь если он заметит, то при встрече внизу будет неизбежная кара. А вот идёт тётя Надя-страховщица из крайнего подъезда. Милая, пожилая женщина, которую знает весь район. Она также будет «помилована», но уже из этических соображений, ведь она добрая и не заслуживает праведного гнева.

Несколько шагов по чёрному рубероиду, и на противоположной стороне крыши виден подходящий объект. Чокнутый мужик из пятого подъезда, который проявляет необоснованную агрессию к подрастающему поколению. Он частенько пытается поймать кого-то из малых, может метнуть бутылку или камень, обещает повесить на сосне в парке или придушить. Крепкий неадекват и по совместительству конченный алкоголик. Именно на него сегодня и снизойдет «гнев Богов».

Вода из колонки, залитая в бутылку из-под лимонада «Буратино» и фасовочный целлофановый пакет – из этих незамысловатых компонентов изготавливались «СВУ» тех лет.

Злобный алкаш одиноко плетётся вдоль дома. Он даже не подозревает, что с крыши на него взирает три пары шальных глаз. Одна пара рук держит пакет, вторая откручивает крышку бутылки. Прозрачная холодная вода заполняет не менее

прозрачный пакет до краёв, сверху он завязывается в узел. Всё, водяная бомба, в народе «капитошка», готова.

В полуметре от пропитого агрессора приземляется первый бесшумный «снаряд». Гроза поселковых малолеток не успевает даже моргнуть, как из лопнувшего пакета в него летят брызги поражающего элемента. На затёртых светлых джинсах остаются следы бомбардировки. Из уст злодея вырывается многоэтажная нецензурщина.

Обрызганный и напуганный громким хлопком, он поднимает к небу озлобленное лицо, покрытое седоватой щетиной, и пытается понять, откуда прилетел столь неожиданный «подарок». Черда балконов, а за ними хмурое небо, заслонившее тучами солнечный свет. Алкоголик, нашёптывая бранные словечки, продолжает путь, так и не выстроив логической цепочки.

Вторая «бомба» приземляется сзади, и громкий хлопок эхом сотрясает пространство. Подскочив и приземлившись обратно, нелицеприятный тип выдает новую порцию фраз, которые обычно «запикивают». Затёртые штаны обрызганы уже с другой стороны, а пропитое чёрствое сердце стучит всё чаще.

«Портал» возвращает тебя в привычное состояние. Ты снова смотришь на мир глазами смертного. Ты больше не над ними, а среди них. Но это всего лишь вопрос времени.

25.10.2021

Зимние забавы

Зима для подростка в девяностые – нулевые – никогда не была поводом сидеть дома. Заваленные снегом тёмные улицы всегда зазывали в свои морозные объятия.

Вот вы с братвой несётесь с крутой, кем-то щедро залитой, горки. Снегокаты, ледянки? Хм, а что это? Максимум, на что можно было рассчитывать, – это старые добрые санки. Но и они не всегда были в наличии. «Картонка под жопу» и вперёд. А иногда и без неё. Отбил седалище, ещё и какой-то «олень» влетел в тебя ногами в самом низу – не беда. Отряхнулся, поднялся и вновь задорно покатился по толстому слою льда. Всё максимально просто. Главное правило тех времён – никаких правил!

Родные дворы предстают перед вами привычным невзрачным уродцем. Среди поломанных качелей, перекошенных каруселей и ржавых горок вы по классике играете в снежки. После недолгого отогрева в ближайшем подъезде веселье продолжается.

Теперь же, поделившись на две команды, вам предстоит бороздить неказистые просторы своего района, играя в казаки-разбойники (под стать временам, игра была переименована в «менты-бандиты»).

А что ещё? Конечно же, любимое всеми хулиганами развлечение – «градусник». «Градусником» по суровым за-

конам улиц становился тот, кто был не способен оказать внушительного сопротивления. Жертву молодёжной забавы хватали за руки и за ноги, переворачивали вверх ногами и вставляли головой в сугроб. Ну, вот так, ты либо можешь постоять за себя, либо «измеряешь температуру» на потеху другим.

Ещё одной экстремальной забавой было «подразнить» старшаков. Кинуть снежок или острое словцо в адрес тусовавшихся у подъезда старших ребят и убежать – вот он, настоящий мужской экстрим. Старшие всегда принимали вызов и начинали охоту.

Вы (то есть младшие) уходите от них закоулками, прячьтесь за гаражами, за деревьями в парке, в глухих переулках и прочих укромных уголках местности. Задача старших проста – отловить и наказать. Ваша цель обратная – уйти от возмездия. Подобные «кошки-мышки» почему-то практиковались именно зимой.

В этом деле не работала стандартная погоня, то есть тупой прямолинейный бег, так как догнать заряженных энергией сорванцов было крайне сложно. Здесь работала исключительно тактика. А её старшие товарищи прорабатывали основательно. Они делились на группы и окружали, они караулили в подъездах при возвращении домой, они пытались сыграть на доверии – «да ладно, хорош уже бегать, не будем мы вас трогать» и многое-многое другое.

Рано или поздно каждый участник данной затеи попадал

в их руки, и тогда начиналась логичная экзекуция. Сильно не били, это ведь всё-таки игра. Но игра без правил.

Тебя могли окунуть в сугроб (ну да, тот самый «градусник»), напихать снега за шиворот или «расстрелять» – поставить к стенке и закидать ледяными снежками. Перед «расстрелом» снежки поливались холодной водой из колонки и покрывались льдом. Даже через толстые штаны и куртки от таких «снарядов» частенько оставались синяки.

В этот момент проверялся характер: не ныл, не просил прощения, не угрожал родителями – что ж, ты «пацан» и можешь быть свободен. В следующий раз не попадайся. Кстати, рассказать родителям считалось позорным – за такое почётный статус «пацан» опускался до статуса «чмошник». По этой причине жалобы взрослым были практически исключены.

В одну из зим у одного из участников компании появился доступ к классике советского автопрома – старому «запорожцу». Это был прорыв в сфере поселковых развлечений. Неубиваемый советский «запор» носился по заснеженным улицам, перевозя визжавшие от восторга тела практически на каждом сантиметре своего кузова. За рулём сидел хозяин машины, а в кабину набивалось по пять-шесть человек. Ещё двое ехали лёжа на крыше, один сидел на багажнике, а ещё один мчался сзади на санках, которые были привязаны верёвкой к заднему бамперу. И все постоянно менялись местами.

Слух о лихих ребятах на «запорожце» быстро распространился по местности, и появление культовой тачки обычно сопровождалось бурными аплодисментами. Такое представление вызывало искренний восторг у местной публики. Но не все, по-видимому, были довольны: кто-то, как всегда, «накапал».

Конец данному «аттракциону» положил участковый, буквально вставший грудью перед лихо маневрирующим «запорожцем». Наобещав массу проблем и штрафных санкций в случае рецидива, он раз и навсегда отбил желание садиться за руль. На этом эпопея весёлых покатушек и закончилась.

Ну и вишенкой на торте в зимний сезон стал «Слон». Об этой культовой игре поведал один из старших – Вова Крепыш. Как-то, при спонтанной встрече, он спросил: «В “Слона” играть умеете?». Получив отрицательный ответ, щедрый Вова подробно разъяснил правила и, так сказать, пустил игру в массы.

Ногой на снегу он начертил круг примерно два – два с половиной метра в диаметре. В этот круг он поставил «слона», который состоял из двух человек, согнутых пополам и прислонённых голова к голове. Вокруг «слона» ходил «вода», а остальные стояли за пределами круга. Суть игры заключалась в том, чтобы запрыгнуть на «слона» (то есть на спины согнутых людей) и не быть осаленным «водой».

«Вода» мог салить только в кругу и только тогда, когда человек находился на земле. Того, кто успел запрыгнуть на

«слона», он салить не мог. Тот, кого осалили, становился на место одного из тех, кто был «слоном», а тот, кто стоял в «слоне», выходил за круг и получал возможность прыгать на спины. Когда «слон» не выдерживал тяжести оседлавших его тел и падал, все бросались врассыпную и убегали за круг. «Вода» мог салить только тогда, когда «слон» снова вставал в свою изначальную позицию.

Также имелась возможность оседлать самого «воду», подбежав к нему сзади и повиснув на шее. Если зазевавшегося «воду» седлали, то он обязан был возить оседлавшего его человека вокруг «слона» минуту или две и в это время не имел права никого салить. Пока неудачливый «вода» возил удачливого «наездника» на себе, на бесхозного «слона», то есть на спины составлявших его бедолаг, бесконтрольно прыгали все участники процесса.

«Слон» приобрёл неслыханную популярность среди шального молодняка в возрасте от десяти до шестнадцати лет. В него играли не одну зиму подряд. Как ни странно, в эту игру вливались даже девчонки.

Позже появился другой вариант «Слона», который для отличия называли «Слоником». В него играли так: делились на две примерно равные по количеству человек команды. Методом «цу-е-фа» решалось, какая команда будет везти, а какая ехать.

Те, что везли, сгибались пополам, обхватывали руками впереди стоящего человека и подставляли спины под прыж-

ки. То есть, они, как вагоны поезда, были сцеплены друг с другом и смешным образом согнуты. Вторая команда запрыгивала им на спины, и каждый старался сесть так, чтобы вызвать максимальный дискомфорт у везущих.

Задачей тех, кто вёз (то есть «слоника»), было довести тяжёлую ношу до начерченной на снегу линии. Расстояние до линии было примерно полтора-два метра. Задачей тех, кто сидел верхом на «слонике», было помешать ему добраться до линии. Поэтому наездники разрабатывали свою тактику – садились вдвоём на одного или старались сесть прямо на голову, чтобы звено «слоника» прогнулось и рухнуло. Если это происходило, то «слоник» возвращался на старт, и всё начиналось заново. Если же «слоник» довозил ношу до финиша, то команды менялись ролями.

В те годы, если ты выходил на улицу, она поглощала тебя целиком. Ты гулял до победного и отдавался этому делу на все сто. Заход домой был чреват тем, что тебя «загонят» и остаток вечера ты проведёшь без друзей и приключений. А без этих двух составляющих твоя пока ещё относительно беззаботная жизнь теряла смысл.

Итак, никаких полумер – ты или дома, или на улице. Никаких тебе ТЦ, кафешек и прочей роскоши. Только скромные пейзажи окраины: гаражи, дворы, дома, тёмный парк, шоссе и бетонные стены завода с колючей проволокой. Единственное место, в котором можно было перекантоваться и согреться, – это подъезды.

Без телефонов, наушников и интернета, без чатов, видеосов и мемов, в темноте, холоде и изоляции шальная юность конца девяностых – начала нулевых всегда имела неиссякаемый арсенал зимних забав.

25.01.2023

Дворовый футбол

Зрелища всегда объединяли людей. Чем больше их масштаб, тем больше зрителей они собирали. Дворовый футбол являлся самым что ни на есть зрелищем локального масштаба. Особенно если местные бились с «коллегами» из других районов.

Вместо стадиона – самодельное футбольное поле в парке; вместо искусственного газона – серая пыль под ногами; вместо формы – футболки и спорштаны; вместо трибун – несколько самодельных деревянных лавочек, а вместо болельщиков – сидящие на этих самых лавочках (а иногда и прямо на траве) местные жители разного возраста.

Потрёпанный мяч залетает в порванную изношенную сетку ворот, вылетает с другой стороны и неспешно укатывается в кусты. Нетрезвые крики зрителей несутся со всех сторон. Вратарь, пропустивший мяч, начинает истошно оспаривать печальный для него факт, размахивая руками и сотрясая воздух возмущёнными криками. Около него собирается «консилиум» из участников поединка и в похожей манере начинает отстаивать свою позицию.

– Он у меня из рук выбил, не считается гол! – с выпученными глазами орёт вратарь, указывая на виновника изменившегося счёта.

– Чего я выбил? Не гони. Ты до него не дотронулся даже, –

огрызается забивший.

– Сам не гони, я уже в руки схватил, а ты ударил – не понимается вратарь.

– Да был гол, ё-моё, мы всё видели! Давай, не выдумывай. Один – ноль, – орёт местная группа поддержки, расположившаяся в густой траве справа от ворот с белыми пластиковыми стаканчиками в руках.

Спор переходит в острую фазу. Здесь бы вмешаться судьям, но по понятным причинам их нет. Всё держится лишь на самоорганизации. После резко вспыхнувшей словесной перепалки, потоков нецензурной брани и агрессивных телодвижений морально задавленный вратарь безучастно машет рукой и соглашается: «Ладно, играем». Закон джунглей в действии: «кто сильнее, тот и прав». А сильнее местные, которых больше. Счёт: один – ноль. Игра продолжается.

Потрёпанный мяч улетает в центр поля, и вокруг него возобновляется активность. Столкновения, подкаты, удары по ногам, падения – всё, как в профессиональном футболе. Но есть конкретное отличие – никто не ноет и не симулирует. Упал, встал, побежал дальше. Тут за тобой не прибегут с носилками и никто не получит жёлтую или красную карточку. Здесь всё решается просто: «Э, слышь, штрафной. Чего не было? Было, говорю!».

Вместо кубков и мест в таблице здесь стандартный трофей: ящик пива. За него и бьются на поле район на район. Эмоции, травмы, споры – всё ради двадцати бутылок пива

из местного магазина. Ну не ради этого, конечно. Скорее, ради самого процесса. А «хмельной кубок» как награда победителю. Скромно, стандартно и примитивно, зато никакой показухи и фальши. Суровый мужской поединок и суровый стандартный трофей.

После игры, бывало, выигранный приз выпивался совместно – и победителями, и проигравшими. И завершившийся локальный матч перерастал в грандиозную пьянку, в которой смешивались все: игроки обеих команд, зрители, подруги и случайные встречные. Как-никак это местная самодельность и все друг друга знали.

Бывало, что трофейный ящик пива был «догоном» к выпитому до игры. В дворовом футболе «допинг» был нормой и никакого контроля за состоянием игрока никто не вёл. Единственным требованием было лишь то, что человек может стоять на ногах и бегать по полю. Остальное на усмотрение команды. Иногда на замену выходили зрители, которые прилюдно распивали около поля на лавочках.

В связи с повальной нетрезвостью игрового состава командам присваивались шуточные названия. Например: «Синие дьяволы» или «Алкомотив» (пародия на «Локомотив»). В общем, несмотря на итоговый счёт, в дворовом футболе девяностых – нулевых всегда побеждала дружба, которая скреплялась совместными попойками после игры.

20.02.2022

Диалог

– А не угостите сигареткой? – звонкий детский голос окликнул седого мужчину, вышедшего из калитки. За ней виднелись заросли садовых деревьев и двухэтажный деревянный барак тёмно-зелёного цвета.

Пожилой мужчина внимательно посмотрел на подошедшего к нему подростка и спросил:

– Ты в каком классе учишься, курильщик?

– В восьмом, – ответил щуплый мальчуган в джинсовке.

Из наружного кармана клетчатой рубашки дед достал пачку «Примы», вынул папиросу, вставил её в рот и чиркнул спичкой о серу. Поднеся огонь к завёрнутому в бумагу табаку, седой мужчина умело раскурил «цымбарку» и выпустил клубы густого дыма в пасмурный воздух осеннего дня. Затем он снова кинул оценивающий взгляд на белобрысого мальчика и, усмехнувшись, продолжил диалог:

– Ха, в восьмом классе и уже куришь?

– Ну да, – невозмутимо ответил худой восьмиклассник.

– Правильно делаешь, сынок. Раньше закуришь – раньше помрёшь. В нашей стране нужно жить как можно меньше, – философски заметил дед и протянул мальчишке папиросу.

24.05.2021

Стандарт

– Э, малые, ходь сюды! – хрипло крикнул мрачный персонаж лет восемнадцати, что, неестественно согнувшись, сидел на покрытой снегом лавке.

Два мальчугана лет по девять неуверенно зашагали к незнакомцу по рыхлому снегу.

– Ну чего тушуетесь, ёпт, идите смелее! – он подманил их трясущейся, красной от холода рукой. На нём была дутая бледно-зелёная куртка, чёрная шапка с надписью Adidas, светлые джинсы и изодранные зимние ботинки коричневого цвета.

Мальчишки прибавили скорости и начали приближаться к одиноко сидящему типу. В поселковом парке были только он и они, больше никого. Двадцатиградусный мороз не располагал к прогулкам, но даже он не смог удержать молодёжь от желания «затариться ништяками». Ребята возвращались из палаток на станции с полными карманами сникерсов, чипсов и банок пепси.

Солнце красочно освещало укрытое снегом пространство. Вечно зелёные сосны и ели в объятии только выпавшего снега создавали почти сказочный пейзаж. Морозный солнечный день обжигал неприкрытую кожу на лице. Снег ритмично хрустел под тяжёлой зимней обувью. Хмурый тип на лавке совсем не вписывался в красочный природный пейзаж, но

именно он своим видом напоминал об особенностях времени и места.

Два неокрепших юнца остановились возле согнувшегося человека с бледноватым лицом и каким-то бывалым взглядом. Было заметно, что его конкретно потрясывало. Но трясло его как будто не от холода, тряска исходила изнутри.

Он взглянул на стоявшие перед ним совсем юные румяные лица беглым взглядом и захрипел:

– Местные?

Один из мальчишек еле заметно кивнул. Хмурый тип, выпуская пар изо рта, продолжил:

– Ништяк! Где тут цыгане живут?

– Э-э-э, какие цыгане? – переспросил румяный юнец.

– Которые кайфом торгуют, ёпт, – отрезал трясущийся незнакомец, – кайф нужен срочно. Я знаю, тут у вас цыгане барыжат на местности.

– Мы не знаем, – тихо пробубнил второй паренёк.

– Подстава! – с нескрываемой досадой почти завыл странный незнакомец и, закачавшись на лавке, продолжил: – Вмзаться надо. Подыхаю.

Мальчишки стояли в недоумении, не зная, что сказать.

– Сижка есть? – хрипло продолжил диалог нездоровый персонаж. Этот вопрос был более понятен молодым умам.

– Да мы не курим, – осторожно ответил один из них.

– А лавандос имеется?

– А что это? – искренне не понимая значения слова, спро-

сил один из мальчишек.

Нервный тип, которого затрясло значительно сильнее, на этот раз ничего не ответил. Потеряв интерес к двум молодым пацанам, он отвернулся и забубнил себе под нос что-то нечленораздельное.

Не желая больше задерживаться возле не самого приятного собеседника, ребята продолжили путь. Ритмичный хруст под ногами возобновился, удаляясь всё дальше от заснеженной деревянной лавочки в направлении выхода из парка. Чистый снег лучезарно блестел в ярких солнечных лучах.

Мрачный тип по-прежнему трясся на деревянной лавке в полном одиночестве. Он олицетворял собой стандарт поселковой молодёжи тех времён. Шла зима 1994-го.

01.11.2021

Качели

Новые качели появились посреди практически пустого двора напротив нового дома. Не считая стола и лавочек, они были единственной конструкцией у подножья десятиэтажной громадины. Всё в этих качелях, воткнутых между однотонным серым домом и рядами чёрно-серых гаражей, было под стать времени: просто и сурово.

Невзрачный чёрный каркас и железные штанги, переходящие в деревянные сидения без спинок, – вот и вся конструкция. Даже земля во дворе, возле недавно возведённого бетонного великана, была в каких-то пыльно-серых тонах. Шёл 1995-й год.

Учитывая, что во дворе соседнего и единственного на весь район многоэтажного «коллеги» качели были сломаны уже давно, эти быстро завоевали популярность среди активного уличного молодняка. На четыре посадочных места претендовала вся молодёжь окрестности.

Скрип качелей не прекращался в течение всего светового дня. И если ты был не из самой взрослой категории желающих прокатиться, то ожидание очереди могло затянуться надолго. Старшие в большинстве своём не заморачивались с временными рамками и катались до тех пор, пока не надоест. А если они приходили в то время, когда катался ты, то в девяноста процентах случаев звучала фраза: «Э, пацан, дай-

ка я покатаюсь».

Эта фраза решала всё. Иерархия, чёрт возьми. И вот ты уже сидишь на лавочке и наблюдаешь, как старший бесцеремонно восседает на твоём месте. Но эта же иерархическая особенность работала и в твою пользу, когда ты подходил к качелям и видел на них паренька помладше. Воистину закон джунглей: «Кто сильнее, тот и на качелях».

Из-за дефицита развлечений качели стали практически местной достопримечательностью. Иногда тёплыми летними вечерами вокруг них собиралось по несколько десятков человек. Женщины с семечками, дети с игрушками, любовные пары в обнимку, алкоголики со стаканами, наркоманы с мутными глазами, пенсионеры в одежде не по сезону – двор вмещал всех желающих.

Этот приевшийся, монотонный скрип железа будто бы притягивал к себе все слои окрестного населения. Качели – connecting people¹. Те, кому не хватало лавочек, стояли или сидели на корточках. В общем, это были времена, когда для счастья нужно было совсем немного: качели во дворе и хорошая компания. Торжество минимализма.

Минимализм в конструкции самих качелей (широкое деревянное сиденье без спинки) давал возможность для полёта фантазии. Катались сидя, стоя, на животе (отталкиваясь ногами от земли), вдвоём, втроём, да как угодно. И, конечно же, любой уважающий себя подросток практиковал такую

¹ Качели – объединяют людей.

экстремальную опцию, как прыжки.

Прыгали как из сидячего, так и из стоячего положения. Иногда прыгали на расстояние – кто дальше. Во время подобных состязаний приземлиться на ноги и отбить пятки было не самым худшим раскладом. Бывали случаи, когда из-за недостаточной манёвренности посадка осуществлялась на пятую точку, и копчик бедолаги полыхал огнём. Это были суровые девяностые, мы развлекались как могли.

Со временем из-за активного и не всегда бережного использования местная достопримечательность сильно изнасилась. Лёгкий скрип превратился в какой-то душераздирающий звук, а несколько посадочных мест было варварски оторвано. Когда из четырёх сидений осталось два, стать счастливым обладателем посадочного места стало ещё сложнее, ибо конкуренция была дикая.

Очередь росла и не всегда соблюдалась. Поэтому, чтобы комфортно приземлить свое сидалище на скрипучий сплав железа и дерева, приходилось вступать в поединки и завоёвывать авторитет. Без него ты практически не имел шансов попасть на дворовый «аттракцион».

Но когда наконец-то отталкиваешься от земли ногами, со скрипом взлетаешь в направлении алого заката, со свистом разрезаешь пропитанный костром летний воздух, тогда ты действительно ощущаешь весь триумф прожитого дня.

С детских лет улица учила главному правилу жизни: за место под солнцем нужно биться. Будь сильным или сиди в

сторонке. В девяностые по-другому не получалось...

07.08.2021

Снегопад

Зимы в девяностых бывали суровые: то морозы под тридцать, то сугробы по пояс. Но строгий нрав местного климата никогда не препятствовал молодёжной креативности. Она была фонтаном из недр пылких умов и находила всё более изощрённые способы развлечься. Среди деревянных домов, бетонных заборов и натканных вплотную друг к другу гаражей всегда находилось место для суровых подростковых забав.

В засыпанных снегом закоулках кипела абсолютно невзрачная, полудикая и пропитанная дерзостью жизнь. В пуховых куртках, вязаных шапках и заношенных ботинках старших братьев оголтелая юность выжимала максимум из той бесперспективной действительности.

Неудержимая энергия подростковой беспечности нагло хозяйничала на заснеженных пейзажах меланхолического района. Без кучи безделушек и виртуальной реальности молодость лихого времени развлекалась как могла. А развлечения всегда начинались с выхода на улицу...

* * *

– Кто последний, тот петух! – срываясь с места, крикнул

десятилетний Андрей Тамбовец.

Трое его товарищей лет по десять-одиннадцать рванули вслед за ним. Проваливаясь по колено в толстый пласт снега, они бежали наперегонки по крышам гаражей, что невзрачно тянулись вдоль переулка.

Бежать было тяжело, но пацаны старались изо всех сил и, расталкивая друг друга, стремились к цели. У Тамбовца было небольшое преимущество, так как он побежал первым. Витя Трус и Лёня Тихий бежали на равных примерно в метре позади него. В конце же суетился Вася Горелый.

В один прекрасный момент Васёк даже умудрился вырваться вперёд других, но был нещадно отброшен за спину кем-то из участников этого спонтанного марафона.

Хватая друг друга за куртки и сбивая с ног, весёлая компания яростно прорывалась к крайнему гаражу. Забег длился считанные секунды и закончился также внезапно, как и начался. Точно определить победителя не представлялось возможным, зато явно вырисовывался проигравший.

– Горелый петух! – насмешливо крикнул лежащий в сугробе Андрей, попутно вытряхивая из ботинок комки снега.

– Ку-ка-ре-ку! – подразнил Горелого Тихий и плашмя прилетел в сугроб рядом с развалившимся Тамбовцем.

Вся компания, кроме самого слабого звена, взорвалась беззаботным хохотом.

– Очень смешно! – с умным видом заявил проигравший Вася.

– Не смешно тебе? – уточнил Андрей и посмотрел на Горелого с явным недоумением.

– Не очень-то, – поняв, что проявил непозволительную для своего статуса дерзость, сбавил обороты Василий.

– Ему не смешно, пацаны! – Тамбовец окинул Труса и Тихого полным возмущения взглядом.

– Ещё и проиграл! – покачал головой Тихий, который лежал в полуметре на снегу.

– Трус, твоё слово! – обратился Андрей к ушедшему по пояс в снег товарищу.

– Не знаю, чего сказать, – как всегда отбрехался Витя.

– Не знает она! – передразнил его Тамбовец – нужно придумать наказание для проигравшего.

Горелый молчал. Будучи в статусе вечной жертвы и неспособный дать сдачи, он понимал, что любое возражение сыграт против него.

«Может резко спрыгнуть и попытаться убежать? Догонят! И тогда будет ещё хуже».

Он сидел, запыхавшийся и растерянный. Огромные сугробы прямо на крышах гаражей, частично развороченные носящимися по ним подростками, отрезали путь к отступлению.

А снег по-прежнему шёл. Выющиеся снежинки, словно ковровая бомбардировка, покрывали каждый метр пространства.

– Есть идея! – с этими словами Андрей Тамбовец поманил

жестом Тихого и Труса.

Оба, минуя снежные баррикады, приблизились вплотную к «генератору хулиганских идей» и образовали тесный круг. Шёпотом они начали обсуждать что-то коварное, так как время от времени поглядывали в сторону Горелого и на их лицах загорались ехидные улыбки.

Вася сидел в стороне, безучастно наблюдая за тем, как в паре метров решалась его дальнейшая судьба. Вот Тихий повернул голову в его сторону и еле слышно хихикнул. Тамбовец с энтузиазмом нашёптывал свой коварный план, а Трус еле заметно кивал.

Горелый начал было вставать, вытаскивая из-под толщи снега свои насквозь мокрые ноги, но его попытку побега пресекла бдительная троица заговорщиков:

– Ты куда это собрался? Ну-ка стоп!

Лёня Тихий рванул в его сторону и без труда пресёк попытку бегства. Сопротивления Вася, как обычно, не оказал, ещё раз подтвердив свой статус слабого духом.

– Короче, Василиска, спрыгивай-ка вон туда! – Тамбовец указал на небольшое расстояние между двумя гаражами шириной примерно в полметра.

Держа Горелого за куртку, Тихий подвёл его к краю заснеженной крыши гаража. Жертва не особо-то рвалась спрыгивать и до последнего оттягивала свою неминуемую участь.

– Ну, вперёд! – Лёня указал вниз, где в узком проёме белел невысокий сугроб.

– Чего это вы придумали опять? – тревожно и суетливо забрыкался Горелый.

– Да не бойсь, весело будет! – задорно хохотнул Тамбовец – прыгай вниз, не ссы.

– Не буду! – жалобно и неуверенно выдал Василий.

– Прыгнешь сам или тебе помочь? – сурово спросил Лёня.

– Сам, – еле слышно брякнул в ответ Горелый.

– Верное решение! – улыбнулся Тихий и хлопнул его по плечу.

Трус, как обычно, безучастно стоял в стороне, с любопытством наблюдая за происходящим. Весь процесс держался на Лёне и Андрее.

Горелый покорно прыгнул вниз и оказался в узком проёме, теснимый с двух сторон стенами гаражей. Ноги по колено вошли в сугроб. Он поднял голову и увидел три ухмыляющиеся физиономии своих «товарищей». Они смотрели на него ехидно и властно, будто хищники на загнанную в угол жертву.

– Ложись на спину! – скомандовал Тамбовец.

Безвольный Василий безропотно подчинился указанию свыше и лёг спиной на снег. Его взгляд устремился в небо, с которого без остановки падал ослепляющий шквал снежинок. Угол обзора Горелого теперь ограничивался двумя железными стенами по бокам и головами «товарищей», что виднелись примерно в метре над ним.

«Что они будут делать со мной на этот раз?» – тревож-

ный вопрос воспалил Васин разум, но полноценно поразмышлять над ним он не успел, так как задорный голос сверху дал команду: «Начали!».

Над ним послышались звуки активности, и в следующую минуту обзор Горелого окончательно померк. На его лицо упал кусок сугроба, закрыв от взора и так небольшую часть видимого неба. Ноги и руки придавило снегом, который активно сбрасывался с двух крыш по бокам.

Василий лежал словно парализованный, уже не в силах шевелиться, так как тяжёлые снежные глыбы накрывали его все стремительней. Задорный смех сверху становился всё тише и вскоре окончательно исчез. Ему на смену пришла могильная тишина. Вокруг был один сплошной снег и ничего больше.

Вася попытался поднять руки, чтобы освободить пространство вокруг лица, но этот манёвр дался ему с трудом. Он чувствовал себя погребённым заживо, бесправным узником сугроба. В следующую секунду Василий стремительно задёргался и попытался выкопаться из этой снежной ловушки, но тяжёлая белая масса нещадно сдавливала тело и слабо поддавалась воздействию.

От своего бессилия и замкнутого пространства Горелому сделалось жутко. Он закричал и начал извиваться под толщей снега, словно уж на сковородке, но его слабые потуги не возымели эффекта. Он был погребён под толщей снега, и выбраться самостоятельно, по всей видимости, не представ-

лялось возможным. Эта мысль нещадно надавила на психику и вселила в душу леденящий ужас.

– А-а-а-а-а! – закричал, охваченный паникой, Вася Горелый. Но его крик не ушёл дальше давящего снежного покрова. Ловушка, рождённая в коварном уме Тамбовца, не давала ни малейшего шанса на спасение.

* * *

– Фуух! – Лёня Тихий стёр пот с покрасневшего лба.

Сугроб, скрывший в себе Горелого, вырос до самых крыш. Операция «Снегопад» была успешно завершена. Три товарища активно поработали руками и ногами, сбросив массивные кучи снега в узкий проём между металлическими стенами.

– Горелый, как тебе там? – насмешливым тоном спросил Тамбовец.

Ответом была тишина. Жалкие стоны Горелого скоропостижно заглохли под искусственной лавиной.

– Он там жив вообще? – впервые проявил заинтересованность малоактивный Витя Трус.

– Хрен его знает! – пожал плечами Андрей, – чего делаем?

– Откапываем! – среагировал Лёня.

Бригада начала раскидывать только что наваленный снежный пласт, но откапывать – не закапывать, и дело продвигалось не быстро.

– А если он там умрёт, чего нам будет? – напрягся Трус, –

это вы придумали, я тут не при чём.

– Ты тоже снег сбрасывал, давай тут не надо! – огрызнулся Тихий.

– Это вообще твоя идея была! – Трус нервно ткнул пальцем в Тамбовца.

– Слышь, а ты чего-то против имел? Головой кивал, типа ты «за», – тон Андрея стал агрессивным.

– Чего-то я устал копать! Это нереально! – Витя безучастно сел на мокрую крышу гаража.

– Точно! На фиг надо! Пусть сам откапывается! – поддержал его Тамбовец, – надо сваливать, типа нас тут не было.

С этими словами Андрей сиганул с гаража и, приземлившись в пригаражный слой снега, дал дёру в сторону девятиэтажного дома. Его примеру последовали и двое товарищей, стремительно покидая место, где они «замуровали» в снегу вечно гонимого Васю Горелого.

* * *

– Помогите! А-а-а-а-а! – Горелый кричал во всё горло, панически извиваясь в тяжёлой снежной ловушке. Но с боков подпирали железные стены гаражей, а сверху лежала масса неведомого веса.

Вася, в силу своего юного возраста, ещё не знал такого понятия, как «клаустрофобия», но видимо именно этот жгучий страх замкнутого пространства терзал его в данную минуту.

Как жук в тесной банке, он безрезультатно бился о мокрые края искусственной лавины.

«А вдруг закончится воздух, и я не смогу дышать?» – эта мысль вогнала его практически в состояние животного страха. Он кричал, размахивал конечностями и переворачивался с боку на бок в попытке вырваться наружу.

Неужели он так бездарно умрёт в этом снежном плену, который «любезно» устроили ему его так называемые «друзья». Зачем он снова и снова общается с ними? Почему не может избавиться от всех этих унижений и издевательств? Зачем он поддался и лёг сюда сам?

На эти вопросы он не знал ответа, да и думать об этом сейчас не особо хотелось. Была задача куда более важная – восстать из-под снега.

Неожиданно сзади за его головой почувствовалось некое копошение. Что-то пробилось сквозь толщу сугроба и дотронулось до его почти сползшей на бок шапки. Ощупывая пространство, это «что-то» дотронулось и до его волос. Судя по ощущениям, Горелый определил, что это была чья-то рука. До слуха стали доноситься сдавленные звуки.

– Кажись, нащупал! Здесь копать надо! – услышал Вася знакомый голос.

Спустя несколько секунд снежный наст отступил и в глаза ударил яркий свет. Голова была откопана, а тело по-прежнему сковывал тяжёлый слой снега.

Щуря глаза от внезапной яркости и бьющих в лицо снежи-

нок, Вася попытался разглядеть происходящее вокруг. Сзади него стояли силуэты, но так как он лежал на спине и смотрел вверх, они нависали над ним в перевернутом виде.

– Ну чего, Горелый, жив? – донесся до него знакомый голос Тамбовца.

– Жив, блин, – жалобно прокряхтел перепуганный Василий.

– Отлично! Голову откопали, дышать можешь, дальше сам давай! – заключил свою мысль Андрей.

– Э, нет! Я сам не смогу! Откопайте, бляха-муха! – чуть не плача заверещал Василий.

– Откопайте его! Да мы вообще убежать хотели, а вернулись за тобой! Понимаешь, как тебе повезло? – продолжил мысль Лёня.

– Во-во! – подхватил Андрей, – а ты тут ещё условия ставишь: «откопайте!».

– Откопайте, прошу! – жалобно проскулил Вася, – вы же сами меня закопали.

– Ну вот мы тебя закопали и вот откопали. Ты же с нами разговариваешь, верно? – Тамбовец плавно подходил к развязке.

– Всего откопайте! Я же сам не смогу! – всхлипнул Вася.

– Ну это уже не бесплатно! – включился в разговор Витя Трус, – за работу надо платить.

– За какую ещё работу? – не понял Горелый.

– За нашу работу! – продолжил Лёня Тихий, – мы тебя

откапывать будем, это тяжело.

– Каждому по полтосу и ты откопан, идёт? – подытожил Андрей Тамбовец.

– Идёт, идёт, только вытащите меня отсюда! – завопил перепуганный и сдавленный Вася Горелый.

Снег лихо разлетался в стороны и заточённое тело «снежного узника» стало постепенно освобождаться. Из-под белой кучи появился синий пуховик. Несколько пар рук в чёрных перчатках схватили напряжённое от стресса тело и потащили на себя. Через несколько мгновений освобождённый Василий лежал на снегу возле красного гаража.

– Ну чего, давай полтос! – потребовал Тамбовец.

Горелый встал и, вытряхивая снег из карманов куртки, тихо ответил:

– У меня с собой нет.

– Ну это хамство! – покачал головой Тихий.

– Ложись обратно тогда! – Трус ткнул пальцем в развороченный сугроб между гаражей.

– Не, я сейчас вынесу каждому. Надо до меня дойти.

– А дома откуда возьмёшь? – недоверчиво прищурился Лёня.

– Я знаю, где у отца лежат. Пошли.

– Ну, погнали за оплатой! – подмигнул друзьям воодушевленный Андрей.

Подростки вышли из переулка на улицу и вчетвером направились в сторону частного сектора, в котором жил Горелый.

лый. По пути они бодро обсуждали предстоящие траты своих «зарплат».

– «Эмемдемс» и «Колу» возьму! – предвкушая покупку, фантазировал Трус.

– А я «Лейс» и «Спрайт», – поделился мыслями Тихий.

– А я по «Сникерсу» заеду, – подходя к калитке Горелого, выдал Тамбовец, – мы тебя ждём, Васян, и не дай бог не вынесешь, лучше на улицу потом не выходи...

09–10.07.2021

И один в поле воин

Каникулы. Девяностые. Молодое поколение резво носится по пыльному футбольному полю в парке. В блеске солнечных лучей этот небольшой уголок благоухающей Природы выглядит особенно прекрасно.

Под лёгким дуновением тёплого ветра колышутся листья, а пространство над головами покрывает бескрайняя синь, что разбавлена редкими облаками.

Жарко. Солнце припекает белобрысые макушки. Пот льёт ручьём и, капая вниз, исчезает в поднятой пыли. По периметру слышны крики, шлепки и удары. Возраст «футболистов» от девяти до двенадцати лет. С каким-то небывалым остервенением они борются за мяч и беспечно кричат, подгоняя друг друга. Лето, свобода, кайф!

Метрах в пятнадцати от футбольного поля виднеется самодельный деревянный стол, укрытый тенью могучих сосен. Вокруг него стоят ребята постарше. На столе мелькают стандартные атрибуты поселкового досуга: бутылка чего-то алкогольного, стаканчики и заправка. Здесь это норма.

Но молодёжь на поле пока ещё не такая, и для хорошего настроения им достаточно просто носиться. Неважно где, неважно для чего – подростковая энергия льётся через край. Они могут бегать часами, словно кролики в рекламе батареек «Энерджайзер», щедро тратя свою энергию на самую по-

пулярную в мире игру – футбол.

Но позитивная летняя идиллия внезапно рассеивается. Словно чёрные тучи в синь ясного неба, в благоухающий парк врываются три машины. Демонстративно ревя моторами и совершая какие-то кривые манёвры на траве, классические модели советского автопрома стремительно приближаются к месту футбольного сражения.

Смяв траву, колёса машин достигают поля и поднимают ещё больше пыли, чем малолетние игроки. Резкие удары захлопывающихся дверей приковывают к себе внимание молодёжи. За ними следует грубая гортанная речь.

– Эй, малой, ухады с поля, взрослый играт хочэт! – напористо кричит огромный горец, который внезапно появляется из поднятого облака пыли.

Следом появляются его соплеменники, громко смеясь и заполняя собой пространство.

– Давай-давай, ходы гуляй, да! Тэпэрь мы играт, мяч пинат будэм! – на крайне неудовлетворительном русском языке молвит кто-то из надвигающейся толпы.

На глаз их человек десять-двенадцать. Их возраст значительно превышает возраст застывшей в растерянности молодёжи. Они бесцеремонно врываются в чужую жизнь и мигом устанавливают свои порядки.

Под натиском неожиданной и превосходящей силы малолетние «футболисты» в составе семи-восьми человек вынуждены покинуть игровое пространство. Отойдя в сторон-

ку, ребята садятся на траву и из активных участников футбольной баталии невольно превращаются в молчаливых зрителей.

Идиллия прекрасного летнего дня омрачена и заляпана. Сердце скребёт чувство вселенской несправедливости. Но силы не равны, и покрасневшим от бега подросткам ничего не остаётся, кроме как молча сидеть за пределами поля.

Но справедливость в этом мире иногда случается и воплощается в жизнь. В данном случае, она явилась в облике дяди Паши по прозвищу Медведь. Он вальяжно вырулил из-за деревянного забора на окраине парка.

Медведь сочетал в себе все качества былинного богатыря: могучую комплекцию, строгие нравы и непоколебимую решимость. Также он приходился отцом одному из невольных зрителей.

Похлёбывая пиво из горла стеклянной бутылки, медленным прогулочным шагом этот огромный мужик приближался к пыльному полю. Как настоящий медведь, он по-хозяйски оглядывал свои владения и, заметив что-то неладное, незамедлительно прибавил шаг.

Тем временем внезапно нагрянувшие горцы активно гоняли мяч от ворот до ворот и выкрикивали при этом какие-то непонятные фразы, остро приправленные русским матом. В висящем облаке пыли то и дело мелькали волосатые ноги в шортах или спортштанах. Изрядно рваный, чёрно-белый мяч без остановки летал из стороны в сторону.

Медведь навис над сидящими на траве подростками громадной грозной скалой. Невольные зрители подняли головы вверх и уловили его суровый взгляд. Он выражал высшую степень недоумения и отблеск неизбежного конфликта.

Несколько секунд дядя Паша вопросительно переводил взгляд с ребят на поле и с поля на ребят. Наконец он спросил:

– Чего не играете то?

– Да нас согнали! – перекатывая мяч по некошенной траве, ответил тёмно-русый пацан с закрученной челкой на лбу.

– Эти что ль? – Медведь еле заметно кивнул в сторону носящихся по полю персонажей и снова воткнул стеклянное горлышко бутылки под аккуратно стриженные усы. Он сделал это настолько резко, что хлынувшее содержимое частично пролилось на его серую майку.

– Ну да, кто ещё? – пожал плечами худой белобрысый паренек, что сидел на траве по правую руку от Медведя.

Оторвав бутылку от губ и больше не задавая вопросов, поддатый бугай вальяжно зашагал в сторону поля.

Через несколько мгновений, сжимая недопитую бутылку в правой руке, он появился в самой гуще футбольного состязания. Встав в центре поля, беспардонный дядя Паша повернулся в сторону бегущих с мячом игроков и умелым движением правой ноги остановил отданный пас. Лихо прервав игру, он произнёс довольно конкретно и внушительно:

– Лишние с поля!

– Эй, ало-мало, мяч вэрни гдэ брал, да! – заверещал один

из игроков.

– Отойды, слышышь, куда ты вышэл, а? – поддержал другой.

– Я повторяю: «лишние с поля!» – Медведь значительно повысил громкость речи.

– Ты чаво такой дэрзкий, эй, да? Хочешь пагаварыть, да? К базар готов, эй чё? – держась на безопасном расстоянии, суетливо выкрикивал толстый персонаж с торчащими из коротких шорт волосатыми ногами.

– Ты поближе подойди, и я тебе всё растолкую как надо! – чрезмерно уверенный в себе бугай поманил горлопана рукой.

– Нэ ты нэ прав, да! Базар такой значыт, да: мы мяч катал, никому не мешал, ты тут такой оп и хозяин поля, да? – пятясь назад от медленно надвигающегося здоровяка с почти пустой бутылкой в руке, верещал южанин.

– Слушай меня внимательно, – воинственно произнёс Медведь. При этом его брови опустились вниз, а зажатая в руке бутылка была приподнята и готова к удару. Не давая гостям опомниться, дядя Паша продолжил:

– Это моё поле, и здесь я решаю – кому играть, а кому нет! Вы прогнали моих пацанов с моего поля, а это прямой наезд на меня! Итак, повторяю последний раз: «лишние с поля!».

Удары дверей и заревевшие моторы сменили топот и гортанные крики. Из поднятой колёсами пыли неторопливо вышел мужик нехилых габаритов с почти допитой бутылкой

пива в правой руке. Делая последние глотки из стеклянного горлышка, он кивнул в сторону поля и двумя словами подвёл итог восторжествовавшей справедливости:

– Играйте, пацаны!

21.05.2021

Архитектура молодости

Сначала был шалаш. Ну как шалаш? Называли его именно так, но по факту – это был не шалаш в классическом виде. Входом служило расстояние между двумя берёзами шириной около полуметра. Стены и крыша были собраны из разного хлама, найденного на пустыре: куски железа, доски, какая-то ржавая спинка бывшей койки, обломки шифера, ржавый капот от машины. Всё это было каким-то невообразимым образом переплетено и соединено между собой. Где-то прибито гвоздями, где-то примотано проволокой, где-то просто сцеплено без какого-то намёка на эстетику. И вот итог: два дерева и куча хлама образовали уютный по тем временам уголок.

Внутри конструкции размером примерно полтора на полтора метра стояло заднее сидение из какой-то советской машины, гордо именуемое диваном. Этот убогий «архитектурный ансамбль» был создан молодыми «архитекторами» в конце девяностых годов на пустыре за гаражами. Это был первый опыт строительства и в целом подходил для неприхотливых нужд подростковой компании.

Для обитателей неказистого самостроя это было поистине уютное пристанище. Там можно было укрыться от непогоды и от любопытных глаз. Что нужно 12–14-летним пацанам и девчонкам? Свобода и независимость! Именно этого ищет

молодая душа, преследуемая постоянным контролем взрослых. Анекдоты, сигареты, карты, игра в бутылочку, разговоры по душам, зачатки отношений с противоположным полом – вот неполный перечень мероприятий, который умещался в узком пространстве так называемого шалаша.

Диван считался козырным местом. На нём в обнимку сидели влюблённые или те, кто первый успел занять мягкое место. Остальные сидели рядом на корточках. Незамысловатая постройка и пустырь за гаражами практически исключали ненужное внимание извне. Изредка в этом непримечательном месте проскакивали местные наркоманы или редкие заблудившиеся прохожие. А так в безлюдное загаражье никто особо не заходил, поэтому для полудикой молодости место было благодатное.

Шалаш просуществовал недолго. Около четырёх-пяти месяцев. Полное лето и часть осени. С началом заморозков молодёжь перебралась в подъезды и неказистый «архитектурный ансамбль» был заброшен. Когда по улицам потекли ручьи, а деревья распустили почки, компания вернулась к своему рукотворному творению, но обнаружила печальную картину. На стенах и крыше шалаша виднелись засохшие фекалии, а внутри, у дивана, разлагались мёртвые щенки. Остаётся только догадываться, кому помешал неприметный самострой и чья больная фантазия решила выкурить «тусовку» таким неординарным способом. Но с этого момента шалаш стал непригоден для привычных посиделок.

Той же весной началось строительство нового убежища на другом конце загаражного пустыря. К сооружению второго шалаша подростки подошли уже более ответственно. Если первый вариант был небрежно слеплен из подручного материала без ума и фантазии, то второй сооружался уже по всем канонам строительного дела.

Во-первых, место теперь было выбрано ещё менее заметное на и так заброшенном пустыре. Спрятанное между плотной стеной гаражей и густыми зарослями некогда садовых деревьев, оно стало ещё более стратегически верным, нежели до этого.

Во-вторых, новое «архитектурное творение» строилось не абы из чего, а исключительно из досок. Доски добывались повсюду: некоторые были найдены на пустыре, некоторые притащены из домов «строителей», а некоторые были оторваны от чужих заборов. В землю были вкопаны столбы, к ним прибивались доски. Всё по «фэншую».

В-третьих, строительство шло с использованием настоящих инструментов. Кто-то вынес гвозди, кто-то молоток, кто-то пилу, а кто-то лопату. Прогресс налицо.

Через несколько дней упорного труда новое сооружение было готово. Назвать его шалашом уже не поворачивался язык, так как строение, теперь уже примерно два с половиной на два метра и около метра в высоту, больше напоминало сарай. Но, по привычке, его также называли шалашом.

В более крепком и просторном варианте с самодельной

лавкой вдоль стены снова возобновились тусовки. После зимних подъездных гонений занять свое личное пространство было высшим благом.

Компания ширилась, обитателей стало больше. Слух о существовании уютного самостроя быстро дошёл до старших. Они начали частенько наведываться в халявное заведение и устанавливать свои порядки. В новом заgaraжном клубе появился алкоголь. Теперь к азартным играм, курению и зачаткам отношений добавились попойки. Пиво и модный в те времена сидр стали сопровождать молодое крыло всё лето напролёт.

Шалаш номер два дожил до следующей весны. Когда время близилось к лету и попойки возобновились, старшие в состоянии крепкого подпития разломали этот «венец творчества» потехи ради. Гордость подростков превратилась в кучу переломанных досок с торчащими повсюду гвоздями.

Тут бы опустить руки и пасть духом, но «юные архитекторы» превозмогли уныние и явили на свет творение номер три. К началу лета, уже ни от кого не скрывая (всё равно ведь узнают), на самом видном месте пустыря был возведён модернизированный двухкомнатный шалаш. Теперь он был примерно три метра в длину, два в ширину и полтора в высоту. Одна комната была для совместных посиделок, другая предусматривала возможность уединения для влюбленных. Подростки ведь росли и в физическом плане, и в плане полового созревания.

К моменту постройки третьего шалаша компания расширилась ещё больше. Девчонки стали приводить подруг, пацаны ширили знакомства. Старшие, как и предполагалось, быстро пронюхали про новое халявное пристанище и коршунами слетелись туда. Новый двухкомнатный сарай, по привычке называемый шалашом, мог вместить в себя две компании. Если внутри не хватало места, можно было приземлиться рядом на сваленном дереве, которое в народе именовалось «бревно».

Тусовки стали грандиознее и масштабнее. Молодёжь со всей округи стягивалась к набирающему популярность самодельному сооружению. Однажды кто-то принёс старый однокассетный магнитофон, и с тех пор заиграла музыка. «Дискотека» на открытом воздухе продолжалась обычно до тех пор, пока не сядет батарейка. В смысле у магнитофона. У участников тусовок энергии было через край.

Стили музыки вообще не имели значения. Играло всё. «Руки вверх», «Иванушки», Scooter, Prodigy, «Сектор газа», «Кино», шансон, какие-то армейские песни, рэп, металл. Беспечными летними вечерами рядом с шалашом горел костёр. На нём жарились хлеб и сосиски, насаженные на тонкие веточки. На крыше грандиозного по меркам молодёжи шалаша ревел мафон. По периметру заросшего растительностью пустыря неумело дрыгались юные организмы, от души веселясь и скрашивая суровые дни конца девяностых. Из их уст выходил сквашенный запах алкоголя и табака.

Их маленький мир был полон беспечности, в то время как вокруг царили разруха, безработица и разгул преступности. Но молодость есть молодость. Она бьёт ключом во все времена и при любых режимах. Вокруг, кроме домов, гаражей, завода и самодельного футбольного поля, не было ничего. Ни клубов, ни кафе, ни торговых центров, ни каких-либо досуговых мероприятий. Всё делалось и организовывалось самостоятельно из того скудного арсенала, которым обладала молодёжь в силу возраста и места жительства. Всё было примитивно, просто и без намёка на пафос. Зато всё было по-настоящему и от души. Это была настоящая свобода!

С приходом осени посещаемость шалаша резко снизилась. Все начали учиться. Кто-то ещё в школах, кто-то уже в «технарях». Однажды группа прогуливающих школу участников тусовок пришла в шалаш и обнаружила, что в бесхозном деревянном двухкомнатном сооружении поселился бомж. Старый, смердящий, в рваном тряпье, он громко сопел на самодельной лавке.

На резонный вопрос прогульщиков: «Чего тут делаешь, ёпт?» бомж извинился и быстро ретировался с местности. Но спустя какое-то время вернулся. И не один, а с целой бригадой пьяных, вонючих и беспардонных бродяг. Их смердящим запахом пропитался не только «грандиозный» самострой, но и всё в радиусе нескольких метров вокруг.

Третий районный «архитектурный ансамбль» снова сломали старшие. На этот раз с пояснением: «нефиг тут плодить

бомжей». Бомжи, лишившиеся жилья, ушли. Переломанные доски сгорели в кострах. Так закончилась недолгая эпопея строения номер три.

Было ещё несколько попыток построить что-то уже не на пустыре за гаражами, а в других укромных уголках района. Но либо потухал настрой, либо строительство обрывали местные жители, которые обещали вызвать милицию. Подобного «соседства» не желал никто.

Последнее сооружение, именуемое «сарай», возвели уже старшаки возле футбольного поля в парке. Место также стало популярным, но ненадолго. Помимо попок и посиделок с девчонками, в «сараях» стали совершаться процедуры «ядоукалывания». Местные наркоманы оккупировали строение со скоростью ветра. Постройку старших сломал пьяный дядя Паша Тамбовцев с пояснением: «чтоб не кололись тут».

Жизнь держится на балансе созидания и разрушения. Одни строят, другие ломают. И каждому возвращается то же, что он сделал сам. Всё закономерно. На сломанном сарае старшаков прервалась череда самопальных строителей. То ли мода прошла, то ли «строители» повзрослели.

22–23.02.2022

Спортсмен

Антон Спортсмен качественно выделялся из общей массы молодёжи. Пока большинство стремительно деградировало согласно канонам времени, Спортсмен неустанно тянулся к развитию. Обычный парень из четвёртого подъезда, который выходил во двор исключительно для занятий спортом наперекор пьянству и наркомании, был награждён своим незамысловатым прозвищем.

Антон никогда не пил и не курил, по его словам, даже не пробовал, что вызывало неоднозначную реакцию у местного контингента. Кто-то пытался склонить его к выпивке, упрекая в том, что совсем не пить – это перебор, кто-то наоборот восхищался его стойкостью и нестандартностью.

Почти в любой сезон Спортсмен выходил из подъезда в своём «фирменном» спорткостюме и первым делом шёл ко вкрученному между двух сосен самодельному турнику. На нём он виртуозно исполнял разные финты и параллельно беседовал с местной публикой. Публика любила подобные «представления» и спешно стягивалась к единственной перекладине во дворе, едва Антон попадал в поле видимости.

Разливая по гранёным стаканам и закуривая сигареты, люди с интересом смотрели на то, как молодой парень делает «подъём-переворот» или «выход на две». Порой от подвыпивших дворовых старожил в адрес Спортсмена поступали

азартные предложения следующего содержания:

– Антох, давай на спор: если будешь подтягиваться, пока я курю, с меня червонец. Если не потянешь, то с тебя.

Антон всегда принимал вызовы, и, как ни странно, червонцы доставались ему с завидной регулярностью. И это несмотря на то, что спорщики старались курить медленно, конкретно усложняя задачу. Спортсмен без труда подтягивался нужное время, и когда истлевшая сигарета начинала обжигать пальцы, оппонент был вынужден признать поражение.

– Да, Антоха нас всех переживёт, у него здоровья, как у быка! – говорили курильщики сквозь хриплый кашель.

– Пацан далеко пойдёт – не бухает, не курит! Никакая хворь его не возьмёт, – обсуждали Спортсмена местные алкоголики и тунеядцы.

Но коварные повороты судьбы неподвластны логике и общественному мнению. Перспективный и заряженный жизнью Антон Спортсмен неожиданно ушёл в мир иной во время стандартной велопробежки. Смерть явилась к нему в облике пьяного водителя иномарки. Внезапное столкновение и несовместимые с жизнью травмы – вот и вся история.

Спортсмену не было и тридцати. Он ушёл странно, рано и как-то очень нелепо. А многие из тех, кто пророчил ему длинную жизнь, медленно выжигали себя изнутри алкоголем и наркотиками возле того самого турника между сосен. Выжигали десятилетиями.

Необъяснимы хитросплетения судьбы.

11.07.2021

Целебная симуляция

Как не пойти в школу? Этим вопросом задавалось не одно поколение школьников. Задавалось именно в те прискорбные минуты, когда приходилось вставать ни свет ни заря и, трясаясь от холода, всматриваться в окно, за которым вскоре предстояло оказаться.

А за окном далеко не всегда грело солнышко и пели птички. Порой по запотевшему стеклу нещадно лупил ливень или оно покрывалось узорным инеем, а беспощадный термометр показывал температуры сильно ниже нуля.

Месить снег, грязь, прыгать через лужи или обдывать закорчевшее на морозе лицо для того, чтобы получать какие-то скучные знания? Перспектива так себе. Мысли о том, что коварная математичка вызовет к доске и, наслаждаясь властью, будет методично уничтожать тебя как личность перед тридцатью одноклассниками за невыученный урок, подталкивали любой ценой остаться дома.

Родители? Да, они любили тебя, но, тем не менее, пять дней в неделю гнали в серое четырёхэтажное здание на этот зубрильный эшафот. В этом вопросе они были далеко не союзниками, ведь действовали с учителями заодно.

Поэтому за право остаться дома приходилось бороться самими различными методами. Ты один против враждебной системы. Система сильна, но ты не по годам хитёр. Да побе-

дит сильнейший!

Прерванный сон и томительные утренние сборы, потом завтрак, который сразу после пробуждения не лезет в рот, за ним следует двадцатиминутное передвижение по мрачным закоулкам города с тяжёлым ранцем за плечами, а в самой школе – скучная бесконечная зубрёжка теорий.

И когда ты уже отмучался и вроде бы можешь расслабиться, тебя уже дома добивают утомительной «домашкой». Система жестока, но имеет лазейки, которыми можно пользоваться.

Самая верная и проверенная многими поколениями школьников лазейка – это имитация болезни. Жалобы на плохое самочувствие – начало борьбы с системой. Но не всё так просто, ведь пособия учителей, а именно твои родные и любимые родители, требуют доказательств.

Единственный и железный аргумент в твою пользу – это повышенная температура тела. Покашливания, чихи и показная слабость отменяются на начальном этапе. Для освобождения от занятий нужна именно температура, причём более-менее солидная, начиная от 37,2. Всё остальное, скорее всего, закончится в пользу системы.

И вот, открыв глаза и снова очутившись в холодной жестокой реальности, которая срывает с тебя тёплое одеяло и, вопреки желанию, заставляет совершать придуманные кем-то алгоритмы, ты начинаешь сопротивление. В этом противостоянии у тебя есть лишь один союзник – это обычный

стеклянный градусник с ртутью. От этой, казалось бы, примитивной побрякушки под мышкой зависит твоя дальнейшая судьба. Но как заставить эту бездушную стекляшку работать тебе во благо?

Среди школьников девяностых ходило множество легенд относительно манипуляций с градусником. Его совали в кипятилок, прислоняли к батареям и лампочкам, натирали ладонями – в общем, нагревали любыми доступными способами.

Те десять минут, пока ты наигранно слабый и больной застывал с градусником под мышкой, а родители покидали помещение, ты должен был найти способ «поднять себе температуру».

Самый верный способ – это лампочка или батарея, так как кипятилку в твоей комнате взяться неоткуда. Батарея тоже зависела от времени года, топили не всегда, а откосить от школы нужно было здесь и сейчас. Поэтому методом исключения оставалась лампочка в люстре. Она нагревалась за считанные секунды, так же молниеносно она нагревала и градусник.

И вот ты застыл с кончиком ртутной стекляшки возле своей неказистой постсоветской люстры, параллельно вслушиваясь в шаги за дверью. В вакансиях часто пишут – умение работать в режиме многозадачности. Так вот – подобные навыки волей-неволей отрабатывались ещё со школьной скамьи.

Представь, читатель: тебе предстояло нагреть градусник,

не переборщив со временем, так как эта стекляшка могла запросто лопнуть, выпустив наружу страшную ядовитую ртуть. Параллельно нужно было прислушиваться к перемещению домочадцев, которые в любую секунду могли заглянуть в твою комнату, а ты уже должен был лежать в постели театрально бледным и немощным. И все твои действия должны были быть максимально тихими. И всё это параллельно с готовностью объяснить внезапно вошедшему родителю, зачем ты включил свет.

За несколько секунд лампочка заряжала градусник до 38–39 градусов. Слегка задумался, и пол покрыт стеклом и ртутью. А это было психологически тяжело, так как родители повторяли из раза в раз: «только не разбей, ртуть ядовитая!». Вот в таких вот суровых условиях приходилось «работать».

И даже если ты всё сделал быстро и чётко, нужно было сбросить ртутную шкалу до более-менее правдоподобных показателей, ведь если у тебя лоб еле тёплый, а на градуснике 39,5, – это стопроцентный провал операции! Ты будешь уличён в симуляции и нещадно отправлен в школу.

В общем, за удачным нагревом всегда следовал следующий пункт: удачный сброс. Махнул сильнее, чем надо, и всё по новой, а время сильно ограничено. Такой вот нелёгкий триггер.

И вот наступает минута X – в комнату заходит делегация родственников и забирает подогнанный под нужную температуру градусник. Отдавая им свой раскалённый аргумент,

ты демонстративно кашляешь и шмыгаешь носом.

И вот породившие тебя люди с недоверием смотрят на ртуть. В своём решении они опираются на яд за стеклом, а не на твои слова и внешний вид, хотя в целом это оправданно.

После этого их ладони поочерёдно ложатся тебе на лоб. Ты слушаешь их обсуждения с такой непоколебимой внимательностью, с какой не учил ни один урок за все десять лет школы. Томительная пауза перед вынесением вердикта, и вот, наконец-то, заветная фраза: «Ладно, сегодня не ходи, отлежись денёк!».

Победа! От радости ты готов вскочить с кровати и заорать во всё горло. Ах да, ты же нынче болен, поэтому продолжаешь бледным пятном давить на подушку.

Вдвойне классно, если такое происходило в пятницу, так как в выходные ты уже мог досрочно поправиться и гулять, гулять, гулять!

Система потерпела крах. Ты сбил её алгоритмы и победил в неравном бою! И вот сон, в который клонило десять минут назад, – рассеивается, на смену холоду приходит тепло, а настроение от погано-пассивного переходит в радостно-активное. Математичка, русичка, историчка, а также весь карательный состав четырёхэтажного здания, – сегодня не ваш день.

Когда проходило несколько часов и уверенность в своей победе укреплялась, ты начинал исцеляться прямо на глазах. Кашель, чихание и температуру снимало как рукой. В школу

ты уже не пошёл, а значит притворяться больным было больше неактуально. Наступала пора выздоравливать! Воистину целебная симуляция!

20–21.10.2021

В подъезде

Подъезд... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Да, в жизни молодёжи девяностых-нулевых подъезды играли важную роль. В зимнее время сложно было найти подъезд, в котором бы не сидели подростки. В дутых пуховиках, джинсах или спортштанах, ботинках или туфлях, на лестницах и в пролётах и днём и вечером сидели шумные компании. И если для взрослых подъезды были лишь коротким переходом от улицы до квартиры, то для их детей они являлись и кровом, и убежищем.

Когда на улице лютовала непогода, а квартиры были заняты родителями, при которых нельзя было быть самими собой, подъезды становились единственным местом для раскрепощённого общения со сверстниками. Здесь можно было перекинуться в картишки, затянуться табачком или провести время с девушкой. А также послушать самопальные песни под гитару и пообщаться на разные темы, при этом используя свой словарный запас без цензуры и ограничений.

Но помимо упомянутых выше благ, подъезды таили в себе всевозможные угрозы...

– Анекдот! – выпучив губы, Мишаня выпустил густой белый дым в спёртый воздух подъезда, – сидят в яме русский, поляк и немец...

– Покурить-то оставь, – толкнул его в бок Малой.

Мишаня отдал ему наполовину скуренную сигарету «Золотой Явы» и снова оказался в центре внимания. Вокруг него на корточках сидели четверо, предвкушая интригующее продолжение анекдота. Рассказчик поднялся с корточек и, нависнув над своей немногочисленной аудиторией, продолжил:

– День сидят, два сидят, три сидят. Есть нечего. Тут немец решил поделиться...

– По йогурту и спать? – перебил его Костя, – да все слышали уже, угомонись.

– Я не слышал! – недовольно буркнул Паша, – на фиг ты перебил?

– Да не гони, что не слышал, кто-то вчера рассказывал, или тебя не было?

– Не знаю, не слышал я. Малой, на троих курим, помнишь?

Малой, что сидел ближе всех к идущей вниз лестнице, слегка кивнул и жадно затянулся.

– Тогда не буду рассказывать, – махнул рукой Мишаня.

Малой делал затяжку за затяжкой. Его губы с наслаждением всасывали продукт сгорания сигареты. Выходящий изо рта и носа дым окутывал узкое пространство бетонного помещения. На лестничном пролёте, снизу от места пребывания подростков, тлел чей-то недавно брошенный «бычок». Дым от него поднимался к окну, за которым темнел морозный январский двор.

Неожиданно на одиноко дымящийся окурочок в пролёте бесшумно ступила чья-то нога. Блеклый огонёк окончательно потух под подошвой. Здоровый мужик бандитского вида в расстёгнутой кожаной куртке, щедро укрытой мехом, старался идти как можно тише и быстрее. Следом за ним такой же тихой походкой шёл второй мужчина довольно высокого роста. На его широком плече грозно висел укороченный автомат Калашникова.

– Стоять! Руки из карманов! – неожиданно гаркнул мужчина в кожаной куртке и смешной жёлтой шапке с помпоном, стремительно сокращая расстояние.

От неожиданности пятеро тринадцати-четырнадцатилетних подростков застыли в своих позах. Мишаня неподвижно стоял возле лифта, остальные сидели на корточках. Ближе всего к незваному гостю, около лестницы, сидел Малой. В его правой руке беспардонно дымил окурочок.

– Руки, руки показываем, чтоб я их видел! – снова прокричал плечистый мужик с бандитским лицом.

Все показали открытые ладони, мужик умело и уверенно

окинул их беглым взглядом. Следом к подросткам подошёл тот высокий тип с автоматом на плече. Он был одет в милицмейскую форму.

– Так-так-так, – ехидно выпалил бугай в кожанке и жёлтой шапке, – чего мы тут делаем?

Все молчали. Не дожидаясь ответа, он присел на корточки рядом с Малым и посмотрел на дымящий в его руке бычок «Золотой Явы».

– Я задал вопрос, – повысил голос «бандитообразный», – чего здесь делаем, ёпта?

– Да ничего, сидим просто, – ответил Малой.

– Сидим просто, – недобрым тоном повторил здоровяк и аккуратно взял из рук Малого сигарету. Не сводя глаз с присутствующих, он затушил её об пол. Затем мужик в кожанке стал аккуратно вытряхивать содержимое недокуренной сиги на бетонный пол, внимательно наблюдая за тем, что из неё высыпается. Убедившись, что это обычная сигарета, а не косяк, плечистый мужик продолжил диалог:

– Знаешь, кто я? – уверенным дерзким взглядом он сверлил Малого насквозь. Его стоявший позади коллега держал руку на спусковом крючке АКС-74У и внимательно наблюдал за остальными.

– Нет, – отрицательно покачал головой Малой.

– Оперуполномоченный Воробьев. В народе Воробей. А это ваш участковый Карманов. Прошу любить и жаловать, – дерзкий бугай кивнул на стоявшего за спиной высокого кол-

легу в милицейской форме.

Все снова промолчали. Воробей продолжал сидеть на корточках возле Малого, сжимая в руках его потушенный и выпотрошенный окурок. На вид плечистому оперу было в районе тридцати. От него прямо несло какой-то дерзостью и решимостью. Из-под жёлтой шапки с помпоном, что совсем не вписывалась в его кожано-туфельный прикид, виднелись довольная ухмылка и зоркие выстрелы глаз.

– Ты у меня из какой квартирки-то, сынок? – обратился он к Малому.

– Я не здесь живу, – еле слышно ответил подросток.

– А где ты живёшь?

– У бабушки.

– А бабушка где живёт?

– Не здесь, – без какого-либо энтузиазма отвечал Малой.

Вертя в руках злополучный окурок, довольный своим превосходством, Воробей глумливо продолжал:

– Курить значит, любишь, сынок? Любишь, да?

– Нет, я только попробовал, – голос Малого становился всё тише и жалобней.

– Попробовал, да? – смакуя момент, повторял его слова Воробей, – а я тебя сейчас отучу курить.

Сделав паузу и снова посмотрев на молчавших товарищей Малого, он продолжил:

– Ешь сигарету! Открывай ротик шире! – с этими словами он поднёс «бычок» ко рту малолетнего курильщика. Малой

отрицательно покачал головой.

– Что нет? Это же вкусно. Тебе же нравится курить. Открывай ротик, а-а-а-м и всё.

– Не буду, – чуть не плача ответил подросток, отвернув голову и уткнув рот в плечо.

– Ну чего ты стесняешься? – издевательски-ласково говорил милиционер, – проглотишь и пойдёшь гулять. Давай-давай, это не страшно. Открывай ротик, пока я добрый.

С этими словами он сунул окурок прямо под нос Малому.

– Не буду больше курить, правда, – буркнул из-под плеча подросток.

– Конечно, не будешь, после того, как съешь, – садистская улыбка растягивалась по пухлым щекам.

Сверху неожиданно раздался женский голос:

– Что здесь происходит?

Все участники подъездной сцены подняли головы вверх. На верхней ступеньке лестницы стояла женщина средних лет в меховой шапке и дублёнке. В ней компания подростков узнала тётю Свету, маму их друга, которая жила в этом подъезде. Она появилась так же неожиданно и тихо, как и несколько минут назад двое сотрудников силовых структур.

– Что вы делаете? – смотря с укором на Воробья, произнесла тётя Света.

На лице сурового оперативника читалась лёгкая растерянность. Он убрал руку с «бычком» ото рта Малого и, улыбаясь женщине, произнёс:

– Да вот, профилактические беседы с молодёжью проводим. Курят тут в подъездах, знаете ли.

– Я с ними сама потом проведу беседу, не волнуйтесь, этих ребят я отлично знаю, – властно намекнула женщина.

– Как скажете, уважаемая, – пожал плечами Воробей. На его лице проступила еле заметная досада от того, что так нелепо сорвалась экзекуция малолетнего курильщика. Повернувшись к пятерым представителям дворовой шпаны, он еле слышно прошипел: «Чтоб я вас тут больше не видел, иначе...».

Незаконченная фраза утонула в топоте молодых ног. Грохот подошв отскакивал от бетонной лестницы подъезда, стремительно удаляясь от двух милиционеров и местной жительницы. Через несколько мгновений дверь подъезда шумно распахнулась и несущиеся галопом фигуры исчезли в темноте морозных улиц.

28.05.2021

Молитва

Остановившись возле подъезда, Костя Шип закурил. Поздний вечер сгустился над двором, спрятав во тьме все его недостатки: сломанные качели на детской площадке, самодельный деревянный столик, за которым день и ночь восседали местные дегустаторы суррогатов и разбросанный повсюду мусор. Над всем этим неказистым пейзажем возвышались высокие стволы деревьев. Под покровом сумерек двор был абсолютно недосягаем взгляду, так как не освещался от слова «совсем».

Вообще, весь район был довольно тёмным, отчего в народе был шуточно прозван Dark Zone. Фонари имелись непосредственно у самих подъездов, и их свет не проникал в таинственные недра широкого двора. О том, что творилось в глубине неосвещённого пространства, можно было долго и упорно фантазировать, ведь на события район был всегда богат.

Шип ждал товарища, который жил в этом доме. Они должны были идти по своим, только им известным делам под покровом стремительно наступающей ночи. Лампочка над железной дверью была разбита, поэтому со стороны Костя являл собой лишь тёмный силуэт. Единственное, что выделяло его из тотального мрака, – одиноко тлеющий в районе рта огонёк сигареты. Едкий табачный дым незримо подни-

мался к высокой крыше подъезда. Каждая затяжка нарушала практически гробовую тишину.

Шип бесцельно вглядывался в темноту двора и думал о своём. Гнетущая дневная жара сменилась на приятную вечернюю прохладу. Летом это всегда приятно.

Товарищ, которого он ждал, задерживался, и это напрягло. Редкие звуки доносились до его слуха, но, погружённый в собственные мысли, Костя не обращал на них внимания.

Вдруг к потоку привычных и безобидных звуков, таких как дуновение ветра или редкий шум проезжающей за двором машины, неожиданно добавился таинственный и неопознанный шёпот.

Шип замер на месте и прислушался. Темнота вокруг таила в себе угрозу. Шёпот нарастал и приближался неизвестно откуда. По спине поползли мурашки, а глаза стали жадно цепляться за окружающие объекты в поисках источника зловещего звука.

Встревоженный взгляд пробежался по припаркованным вдоль подъездов машинам – все они были пусты. За машинами по-прежнему виднелся безмолвный тёмный двор. Различить в его потёмках что-либо не представлялось возможным. А шёпот тем временем усиливался, вонзаясь в уши и заставляя сердце биться чаще.

Через несколько секунд он достиг пика и переключился на полноценную громкость. В нём стали различаться отдельные слова. Кинув бычок на землю и затувив его ногой, Костян

стал недостижим взору со стороны – так было безопаснее. Он снова замер и вслушался в тембр таинственного голоса.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое, да придет Царствие Твое...

Теперь Шип отчетливо слышал молитву. Кто-то где-то обращался ко Всевышнему, сначала шёпотом, а потом во весь голос. От этого двадцатипятилетнему парню стало ещё более жутко. Кто молится в двенадцатом часу ночи во дворе? Вопрос на засыпку. Но подумать об этом он не успел, так как словно гром с неба на него обрушился уже не голос, а отчаянный крик:

– Да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день...

Громкий голос перешёл в протяжный визг, прорвав безмолвие тёмного двора. Наконец-то Костя уловил направление жутковатого ночного крика. Он шёл сверху. В нешуточном недоумении Шип вышел из-под крыши подъезда и вонзил взгляд туда, где за высотой девятиэтажного дома в бездонно-тёмном небе горели редкие звёзды.

Зрение чутко сканировало стену дома на предмет источника крика. Во многих окнах горел свет. Из них то тут, то там выглядывали любопытные жильцы и, обалдев не меньше Костяна, искали источник странного шума. Глаза Шипа бегали от окна к окну, спускаясь с девятого этажа вниз. На шестом его взгляд замер.

На подоконнике снаружи окна стоял высокий человек и

продолжал надрывисто молиться. В худом и длинном персонаже Шип узнал Серёгу Рослого, которого как раз ожидал возле подъезда.

Высокий кореш Костяна был одет в белую футболку, небрежно заправленную в чёрные треники. Под босыми ногами Рослого экстремально прогибался край железного подоконника. С высоты шестого этажа в недра тёмного двора летели истошные крики молитвы.

* * *

Серёга Рослый сидел на диване и беззаботно «втыкал» в телевизор. За окном утопал в безмолвии тёмный двор, а за ним различался серый цех завода. Из-под чёрных треников торчали голые пятки, по-хозяйски закинутаые на пуфик.

Сегодня Серёга наконец-то «закинулся» неким веществом, от которого должно было «вставить не по-детски». Именно так обрисовал действие наркотика знакомый «барыга». Чтобы ощутить всю обещанную палитру эффекта, двадцатитрехлетний парень заложил в ломбард недавно снятую с какой-то машины магнитолау.

Мероприятия с магнитолами он проводил неоднократно, но сносящие крышу «колёса» попробовал впервые. И вот теперь, в двенадцатом часу ночи, он ждал обещанного «бомбического» эффекта, расслабленно сидя у телевизора.

Где-то в коридоре слышались шаги. Это была мама. Она

прошла из своей комнаты на кухню и застучала дверцами шкафчиков. По телевизору шла какая-то драма. Рослый почти не вникал в сюжет, фильм шёл больше фоном.

Он уже довольно продолжительное время ожидал начала своего дебютного «трипа», но реальность ничуть не менялась. Серёга начал расстраиваться. «Обманул “барыга”? Не будет обещанных неземных ощущений?»

Он взял пульт в правую руку и с нескрываем раздражением переключил канал. Негативное состояние было оправдано, ведь «закинулся» он уже достаточно давно, а обещанный эффект почему-то не наступал. Нервно давя на кнопки пульта, он бормотал себе под нос что-то нецензурное и упоминал какого-то «Жорика». Видимо это был тот самый «барыга», который не оправдал ожиданий за такую высокую цену.

Сюжеты на экране менялись стремительно, ведь каждые несколько секунд Серёга вдавливал кнопки пульта большим пальцем правой руки. Вот в телеке появился какой-то мужик с автоматом наперевес, тут же его сменила симпатичная ведущая какой-то вечерней передачи, дальше последовала погоня со стрельбой, а вот вдруг на экране появились похороны.

Похороны? Палец Серёги завис над кнопкой. Острый вопрос ударил в расслабленный мозг: «Кто вообще додумался показывать такое по телеку? Что за вздор?».

Он отложил пульт в сторону и с любопытством заострил взгляд на экране.

На нём крупным планом виднелся открытый гроб. В гробу лежал высокий мужчина в белой футболке, небрежно заправленной в чёрные треники, а вокруг стояли какие-то странные существа. Серёга напряг зрение и немного приблизился к экрану, чтобы отчетливей разглядеть суть происходящего.

«Что это за ритуал такой, и зачем это на ночь показывать?» – нарастающая тревога пронзала сознание, словно острая стрела. Вдруг странные силуэты одновременно подняли глаза и как по команде бросили жуткие взгляды прямо на недоумевающего Серёгу. Их нечеловеческие рожи смотрели злобно и презрительно, будто бы проникая в самые недра Серёгиного сознания.

Сердце застучало так, что готово было порвать кожу на груди, а бегущие бешеным потоком мысли не оставляли места для осознанного анализа ситуации. Но одно обалдевший парень понял ясно и без сомнений: на экране в открытом гробу в белой футболке и чёрных штанах лежал он, Серёга Рослый! Вокруг него стояли омерзительные твари с рогами и клыками. Это были самые настоящие черти из фильмов и книжек!

Будто бы насмехаясь над Серёгой, рогатые исчадия ада пронизывали жуткими взглядами всё его нутро и вселяли в душу неконтролируемый животный страх.

В голове кто-то ехидно зашептал:

– Молись, Серёжа, молись! Молись, пока не поздно!

Вне себя от ужаса, он кинул пульт в телевизор и, запрыгнув на подоконник, рывком открыл окно. Волна прохладного вечернего воздуха прошла сквозь Серёгу с улицы, а шёпот в голове становился всё громче и убедительней:

– Молись, Серёжа! Молись, пока не поздно!

Он шагнул на внешний подоконник и, встав на самый край, покорно исполнил указание. Железный подоконник опасно прогнулся под босыми ногами Серёги, но обезумевший от ужаса молодой человек даже не заметил этого.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое, – крестясь на внешней стороне окна, шептал Рослый.

– Громче, Серёжа, громче! – голос внутри был строг и не принимал никаких возражений. Его происхождение было неведомо, и заставить его замолчать Серёга не мог. Он беспрекословно следовал его воле и от шёпота перешёл на крик:

– Да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

Внезапно над серым цехом завода, что возвышался за тёмным двором, в хмуром небе стал проявляться знакомый лик. Сначала размыто, но после определённых фраз молитвы всё более и более отчётливо. Это был он – лик с икон. Серёга почувствовал его могущество и всепоглощающую сущность.

Неожиданно за спиной раздался знакомый и конкретно встревоженный голос:

– Серёженька, что ты делаешь?

Рослый развернулся на согнутом подоконнике и увидел

стоявшую в дверях маму. С выпученными глазами, она сделала шаг к нему, но голос в голове молниеносно скомандовал:

– Не подпускай её, она с ними заодно! Молись громче! Молись!

Рослый достал свой нательный крестик и направил в сторону матери, крича во всё горло:

– Не подходи! Не вздумай! Отче наш, сущий на небесах...

– Серёженька, – по щекам женщины потекли две тонкие струйки солёной жидкости, голос же сорвался навзрыд, – что же ты делаешь?

– Прочь! Прочь! Да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе... – визжал в ответ сын с обезумившим выражением лица.

* * *

– Сергей, тише, тише, не дёргайся, – заводя руку за спину, успокаивающе проговорил крепкий фельдшер скорой помощи.

– Изыде, твари! Прочь! Прочь! Отче наш, сущий на небесах... – вопил Серёга, распластавшись на полу комнаты.

– Ну, не стой, помоги, ё-моё! – крепкий фельдшер нервно обратился к своему коллеге. Молодой напарник, которому на вид было не больше двадцати лет, неуверенно шагнул к извивающемуся на полу наркоману.

Серёга наотмашь ударил его свободной рукой и попал в коленку, отчего молодой фельдшер, будучи в этом деле новичком, неуверенно попятился назад.

– Наручники давай! Быстрее! – повысил голос его крепкий коллега.

Браслеты больно сжали запястья Рослого. Его поволокли ко входной двери под непрекращающиеся однотипные вопли:

– Изыде, твари рогатые, изыде! Да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

– Дайте тапки ему какие-нибудь с собой, а то босой совсем, – проговорил здоровый опытный фельдшер, обращаясь к зарёванной женщине в засаленном зелёном халате.

Мама Сергея вытащила из комода чёрные резиновые шлёпанцы и, всхлипывая, спросила:

– А надолго его туда? Ну забираете?

– Да не волнуйтесь, полечится и вернётся, – пожал плечами крепкий мужчина, держа руку Серёги за спиной. В ответ он только услышал горький всхлип.

Дверь подъезда открылась, и под тусклым светом фонаря Рослый увидел белую газель с красным крестом. Двое «служителей дьявола» тащили его к ней. Голос в голове продолжал давать указания:

– В ад увезут, демоны! Прямиком в ад! Сопровивляйся! Молись! Громче молись!

Серёга затянул привычное, но это не помогало. «Бесы»

были крепки и физически сильнее.

Около подъезда стоял невысокий человек. Рослому показалось, что он его знает. А впрочем, совсем не показалось: это был его друган по прозвищу Шип. Или нет? Он тоже с ними заодно? Или он на стороне света?

– Костян, братуха, спасай! Выручай! А-а-а-а-а! – вопль Рослого разрезал тишину знакомого тёмного двора.

Изумлённый Шип закурил очередную сигарету и, не зная, что сказать, молча наблюдал за тем, как за его невменяемым товарищем захлопнулись задние двери машины.

Через несколько секунд завёлся мотор, и белая газель с красным крестом сорвалась с места. Её маршрут был понятен без лишних вопросов. Сквозь тёмные безлюдные улицы района она умчалась в направлении районной психиатрической больницы.

22–23.05.2021

Неказистые будни малолетнего курильщика

Пообедав, Леонид собрался на прогулку. В поисках одежды, как обычно, была задействована мама. Пока она искала подходящее «обмундирование» для сына, он вытащил поролоновые затычки из оконной рамы и, повернув ручку, открыл окно. В тепло нагретой комнаты дерзко ворвался осенний холод. На дворе хозяйничал зябкий октябрь.

С высоты был виден широкий двор, щедро усыпанный жёлтой листвой. Лужи в пробоях асфальта покрылись тонким слоем льда. Ночью были первые заморозки.

Всё это могло бы выглядеть красиво, если бы не соседствовало с бесконечными рядами мрачных гаражей и серыми зданиями громадного завода.

Где-то вдалеке на территории предприятия из-за серых построек торчали две красно-белые трубы. Из них в хмурое осеннее небо вырывался такой же хмурый серый дым. За задымлённой атмосферой бледнели какие-то невзрачные жилые дома. До боли знакомый пейзаж...

– Ты чего окно раскрыв? Не май месяц! – вошедшая в комнату мама прервала осмотр территории, – вот эти штаны надень и куртку осеннюю. Там холодно!

– Ага, – кивнул Леонид и захлопнул окно.

Выйдя в коридор, Лёня направился к входной двери, надевая куртку прямо в движении. Проходя мимо зала, через открытую дверь он увидел отца. Тот беззаботно курил в открытое окно. Не спеша и с явным наслаждением он делал затяжку за затяжкой.

Парнишка остановился возле дверного проёма и более внимательно посмотрел на эту картину. Обоняние тут же уловило свежесть осенней прохлады, которую разбавлял запах курева. Вот он, его отец, курит в окно, не боясь быть наказанным, потому что взрослый и делает то, что хочет. Батя может выпить, может покурить, и никто не сможет сломить его волю. От него веет силой и вседозволенностью.

А что бы было, если бы так же в окно покурил Леонид, которому едва исполнилось четырнадцать? Последствия были бы печальными.

– Слава, опять ты куришь в комнате? Выходи хоть на балкон, – заведев курящего отца, сделала замечание мама.

– Ага, – безразлично ответил курящий мужчина и, сделав ещё несколько глубоких затяжек, воткнул сигарету в стоявшую на подоконнике чёрную пепельницу. После он выпустил струю дыма в бодрящий холод октября и захлопнул окно.

Лёня продолжил движение и, подойдя к двери, быстро надел ботинки. Он торопился, ведь там, за пределами квартиры, вне родительского контроля была его собственная подростковая жизнь. Жизнь, в которой он был таким же взрослым и независимым, каким казался ему его отец с сигаретой

у раскрытого окна.

– Перчатки возьми и, если ноги промочишь, приди, переоденься, не ходи с мокрыми ногами, – давала наставления мама, наблюдая за тем, как Леонид, не совсем успешно завязывает шнурки.

– Да знаю, знаю, – буркнул четырнадцатилетний сын и, кое-как завязав шнурки, открыл входную дверь, – ну, я пошёл...

В подъезде пахло сигаретами. Между этажами, стряхивая пепел в железную банку из-под консервов, курил сосед. Самодельная пепельница была примотана проволокой к перилам, а сосед в шортах и пожелтевшей белой майке сидел на корточках.

Замкнутое бетонное пространство было окутано густым едким дымом, а мужик задумчиво втягивал его в себя, впиваясь губами в рыжий фильтр окурка. На вид ему было примерно столько же лет, сколько и курившему в окно бате Леонида.

Мужик не прятался и не боялся, так как тоже являлся взрослым. Его блаженный вид отдавал расслабленностью и удовлетворённостью. Сосед не спешил возвращаться в квартиру и на волне своих взрослых дум с наслаждением растягивал свой перекур.

Леонид слегка кивнул в знак приветствия и вызвал лифт. Сосед качнул головой в ответ и, продолжая сидеть на корточках, снова затянулся. Обоняние вновь уловило крепкий

«аромат» курения.

В подростковом уме Лёни этот запах ассоциировался со свободой и независимостью. Курить – значит быть взрослым. Быть взрослым – значит быть сильным и свободным. Простая и понятная формула.

Двери лифта открылись, и, войдя в исписанную маркерами кабину, парнишка нажал на кнопку первого этажа.

* * *

Выйдя из лифта, Лёня не спешил покидать подъезд. После закрытия дверей он замер и прислушался. Убедившись, что никто не спускается по ступенькам сверху и не заходит в подъезд с улицы, подросток присел на корточки возле почтовых ящиков и сунул руку под лестницу. За пару секунд он нащупал нужный предмет. Из-под уходящего вверх холодного бетона он извлёк свою ценную «нычку», которую в его возрасте носить домой было крайне опасно.

В руке мелькнула слегка помятая пачка «Золотой Явы», которая через доли секунды исчезла в кармане синей куртки. Раньше он прятал сигареты в щитке, но оттуда они таинственным образом исчезали. Укромный тайник под лестницей пока не просекли ушлые «кладоискатели», поэтому можно пользоваться.

Дверь подъезда распахнулась со скрипом, и невысокий молодой человек вышел в объятия осенних заморозков.

Свернув за угол дома, он направился на «базу».

Капюшон надёжно укрывал короткостриженую голову от свистящего между двумя высотными домами ветра. По пути в родное загаражье ботинки крошили тонкий лёд в пробоях асфальта. Холодная вода подо льдом мочила подошвы, грозясь проникнуть внутрь обуви, но даже если это произойдёт, Лёня уже не вернётся домой до назначенного срока.

На пути появился Тёма Чекан из старших со своей смешной косолапой походкой. Явно поддатый, с красными от холода ушами, Артём переваливался с ноги на ногу. Ему уже стукнуло восемнадцать, и он, не опасаясь карающей плети родителей, мог шагать по улице с сигаретой в зубах. Завидев Лёню, он криво улыбнулся и, протянув красную холодную руку, громко произнёс:

– Привет малолетним курильщикам!

Услышав подобное приветствие, Леонид нервно оглянулся по сторонам и, убедившись в отсутствии нежелательных свидетелей, приложил указательный палец к губам.

– Т-с-с! – звук утонул в свисте холодного ветра.

– Ха! – ухмыльнулся Тёма, – всё шкеритесь? Пора курить в открытую!

– Ты-то давно начал курить в открытую? – тихо спросил Леонид.

– Курить, ё-моё! Да я уже бухаю всюю при родаках, – мутные глаза Тёмы Чекана вонзились в скрытного и тихого Лёню.

– Понятно. Ладно, я пошёл, – подросток шагнул мимо поддатого соседа по подъезду.

– За гаражи? Там вон твои дружки уже дымят, сидят, хе-хе! – покачиваясь, бросил в спину Тёма.

Лёня по прозвищу Тихий ничего не ответил и, миновав двор соседнего дома, вошёл в узкий проём между мрачных железных гаражей. За ними, укрывшись от посторонних глаз, сидели четверо.

* * *

– О, явился! – сжав бычок зубами, воскликнул Саня Малой, который восседал на корточках возле разрисованной стены гаража.

– Ну да, – Лёня открыл пачку и умелым движением вставил сигарету в зубы, – палочка есть?

– Есть. На жопе шерсть, – улыбнулся Малой, – вон, сколько веток растёт.

– На, мою возьми, я докурил, – сидящий рядом с Малым, Ваня Длинный протянул Леониду сломанную пополам тонкую веточку.

Лёня умело зажал сигарету «Золотой Явы» между двух её частей. С помощью этого нехитрого трюка с палочкой, опытные малолетние курильщики избегали соприкосновения сигареты с руками. Это помогало не оставлять табачного запаха на пальцах.

– А «жига» есть? – Леонид обвёл взглядом присутствующих.

– Откуда в жопе алмазы? – скривился в ехидной ухмылке Костя Писк, что сидел, прислонившись спиной к старому сухому тополю, – вот «дрова» только в наличие.

С этими словами он передал Лёне потрёпанный спичечный коробок, в котором было всего три спички. Лёня чиркнул одной из них об серу, но из-за ветрености она тут же потухла.

– Э, да ты так все «дрова» попалишь вхолостую. На, вот, от моей прикури, – белобрысый Андрей Тамбовец протянул недавно подошедшему товарищу свой недокуренный бычок. Он был также аккуратно зажат на сломе тоненькой ветки.

Наполовину истлевшая и совершенно новая сигареты слились воедино. Огонёк перекинулся на белоснежное покрытие только что прикуренной «цигарки», и над короткостриженной головой Леонида взвились клубы дыма.

– Явку тянешь? А мы тут на «Бонде». Угости сижкой, что ли, – подмигнул Санёк.

Лёня открыл полупустую пачку и протянул низкорослому корешу.

– Я тоже возьму, лады? – вытянул руку Костик, – задолбался за кем-то докуривать, хочу целую.

Обладатель «Явы» кивнул, и в его пачке стало на две сигареты меньше.

– Эх, поскорей бы восемнадцать стукнуло, – прикурив,

мечтательно произнёс Малой, – можно будет не шифроваться от взрослых.

– Это точно! У меня брату старшему девятнадцать уже, дымит вовсю и не парится. Родаки сами сигареты ему покупают. А меня обыскивают, обнюхивают и, если засекут, гулять не пустят. В прошлый раз пачку нашли, не выходил дня три, – поддержал тему Костян.

– Это ещё щедро. Меня вообще порвут, если узнают. У меня все жёстко, – выпуская дым из ноздрей, посетовал Саня, – поэтому надо хорошенько проветриваться, прежде, чем домой идти.

– Та же фигня! – жадно затягиваясь, вставил Лёня Тихий.

– Мне проще, у меня мама сама курит, потому ей сложнее унюхать, но если спалюсь, тоже будет не сладко, – поделился соображениями Ваня Длинный.

– А у меня все в семье курят, мне норм, – улыбнулся Андрей, – и батя, и мама, и брат старший. Брат уже тоже не прячется, хотя ему ещё семнадцать.

– Чекан тоже вон дымит свободно, только что его встретил, – вспомнил недавний разговор Лёня.

– Да он уже пьяный домой приходит и ничего, – вставил Саня Малой, – пофигист, чё.

– Да, блин, а мы тут через палочки тянем. Несправедливая штука жизнь, пацаны! – горько вздохнул Ваня.

– Спору нет, – делая глубокую затяжку, поддержал Малой, – всё, курю последнюю и сегодня больше не буду, чтоб

приветряться. Кстати, жвачка есть у кого?

* * *

Подойдя к подъезду под покровом сгустившихся сумерек, Лёня Тихий и Ваня Длинный юркнули в приоткрытую дверь. Вечер вынудил компанию расходиться, и, попрощавшись, вся бригада двинула в разные стороны. Кто-то в направлении частного сектора, а Лёня с Ваней к родной многоэтажке.

Являясь соседями по подъезду и по совместительству участниками одной компании, они часто возвращались домой вместе.

В пачке у Лёни осталось три сигареты, а во рту у каждого стоял мятный аромат жвачки. Это был довольно напряжённый момент, ведь дома их почти наверняка ждала проверка. Они остановились на первом этаже, возле лифта.

– Пахнет от меня? – Лёня выдохнул мятным дуновением в лицо Ване.

– Жвачкой пахнет! А от меня? – теперь уже Ваня дыхнул на Лёню.

– Тоже жвачкой, – ответил короткостриженный товарищ, и тут же, поднеся пальцы рук к носу, принялся. Ваня последовал его примеру.

– Руки вроде тоже не пахнут, – неуверенно произнёс Иван.

– Да не должны, мы же через палочку курили, – успокоил

сосед.

– Ну да.

– Куда бы сиги заныкать? – не желая светить свой тайник под лестницей, спросил Леонид.

Ваня осмотрелся и остановил взгляд на почтовых ящиках.

– Вон в том можно, без номера, им всё равно никто не пользуется, похоже.

– Точно! Только это, никому...

– Да я могила! – положив руку на грудь, ответил Иван.

Лёня кинул пачку в почтовый ящик без номера. При следующем походе на улицу он без труда вскрыет дверцу и извлечёт свою записку.

– Ну, всё, с богом! – усмехнулся Длинный и вызвал лифт.

Через несколько секунд со скрипом подъехала кабина. Подростки вошли в её замкнутое пространство, изрисованное всякой пахабщиной.

Невесть откуда в подъезд вошёл упомянутый ранее восемнадцатилетний Артём Чекан с дымящийся сигаретой в зубах и в конкретном подпитии. Шатаясь и тихо матерясь, он бесцеремонно ввалился в закрывающийся лифт. Окинув соседей по подъезду пустым стеклянным взглядом, бухой Тёма насмешливо пробубнил:

– Ну чего, закурились, малые?

Тем временем двери закрылись, и лифт поехал вверх. Упираясь спиной в стену кабины, Артём выпускал в тесное пространство густой белый дым, который пропитывал своим

резким запахом всё вокруг. Время от времени Чекана пошатывало, и он забавно ёрзал курткой об разрисованную стену. В один прекрасный момент дымящийся окурочок выпал изо рта на пол.

– Ё-ё-ё, подстава, – пробубнил пьяный «старшак» и затупил бычок ногой. После он вновь окинул взглядом стеклянных глаз своих младших соседей по подъезду, и, заплетаясь, спросил:

– Есть сижка, ёпт?

– Не-а, – односложно ответил Тихий Лёня.

– А у тебя, ёмана? – всё также покачиваясь, произнёс Артём, и перевёл взгляд на Ваню.

– У меня тоже нет.

– Нет ёпт. Курят, а сигарет нет. Жмоты, ёпт! – недовольно проворчал Чекан.

Подростки глумливо переглянулись. Двери лифта открылись, и Ваня вышел на своём этаже.

– Удачи! – пожелал он Лёне.

– И тебе! – ответил кореш.

Двери закрылись, и лифт поехал дальше. Теперь в прокуренной тесной кабине остались двое: Тёма Чекан и Лёня Тихий.

– Батя-то дома? – икнув, спросил Чекан.

– Дома, – ответил Тихий.

– Жвачку то пожевал?

– Ага.

– Ха, когда-то я так же шкерился, – с ностальгией вспомнил пьяный Артём – а теперь вот чего мне скажут? Мне восемнадцать, ёпт.

– Круто, а мне ещё четыре года до восемнадцати, – вздохнув, сказал Лёня.

– Бывает, – снова икнув, заключил старший.

Лёня вышел на своем этаже, а убуханный Чекан поехал выше. Подросток стоял перед железной дверью в квартиру. Сердце усиленно билось, по спине бежали мурашки.

«А вдруг всё ещё пахнет изо рта или провонял из-за этого балбеса? На фиг он в лифте курил?» – тревожные мысли терзали сознание Лёни.

Ещё раз для уверенности понюхав руки и прилепив изжёванную жвачку к щитку, четырнадцатилетний парнишка собрался с духом. В следующее мгновение большой палец лёг на белую кнопку звонка.

* * *

В открывшейся двери показалась мама. В доме пахло чем-то жареным и вкусным. Красную от холода кожу на руках и лице приятно обдало теплом. Из дальней комнаты выглянула довольная голова младшего брата, которая, показав язык, моментально исчезла. Мама стояла в прихожей рядом с сыном и оценивающе оглядывала его с ног до головы.

Лёня присел и, немного отвернувшись в противополож-

ную от мамы сторону, начал развязывать шнурки.

«Пахнет от меня или нет? Чего мама так смотрит-то? Главное, чтоб батя не вышел».

Будто бы прочитав его мысли, из зала вышел отец. Строго взглянув на сына, который не спеша развязывал шнурки, батя, в отличие от мамы, сразу перешёл к прямым вопросам:

– Курил?

– Нет, – ответил Лёня, не поднимая головы и аккуратно дёргая за шнурок.

Слегка небритый мужчина в халате шагнул в сторону подростка и за доли секунды преодолел расстояние между ними. Нависнув над Лёней грозной скалой, отец также грозно скомандовал:

– Встань и дыхни!

Сын оставил томительное развязывание обуви и покорно встал. Слегка дыхнув на отца, он замер в тревожном ожидании. Время будто остановилось, сердце стучало на износ.

Получив от сына заветный выдох, мужчина замер в оценочном положении. Рядом стояла мама с кухонным полотенцем в руках, с которым она и открыла входную дверь.

Секунды обернулись вечностью, отец загадочно молчал. Мама также молча наблюдала за происходящим. В конце коридора снова показалась голова младшего брата, которая замерла в ожидании интересной развязки. Еле заметно сглотнув, безмолвный Леонид ожидал вердикта.

– Не могу понять, мятой какой-то пахнет. Зажевал, что

ли? – строго спросил отец.

– Да не зажёвывал я ничего, – моментально среагировал Лёня.

– Дай-ка руку! – продолжил досмотр ушлый папа.

Подросток поднёс правую руку к лицу отца, тот принялся.

– Вроде не пахнет. Не могу понять, я сам только покурил, может, не чувствую? Оль, понюхай, ты же не куришь, – обратился мужчина к своей жене.

Мама наклонилась к сыну и принялась.

– Не пахнет.

– Скажи честно, курил? – ещё раз строгим тоном спросил отец, который был твёрд и непреклонен в убеждении, что его несовершеннолетний сын тайно покуривает вне дома.

– Сказал же уже: нет! – холодно отрезал Лёня.

– Следов курения не обнаружено! – отрапортовал батя.

Лёня с облегчением снял куртку и повесил на вешалку, после быстро скинул ботинки и пошёл в свою комнату, дабы поскорее убраться из поля зрения родителей. Когда он был уже в конце коридора, сзади него, словно удар грома, прозвучал уличающий голос отца:

– Так, стоп, а от куртки куревом несёт за версту!

Лёня замер у поворота в комнату, ошарашенный неожиданным обвинением в свой адрес и снова тревожно сглотнул. Лицо младшего брата, с которым он встретился возле своей комнаты, приняло скорбный вид. Брат покачал головой:

«Попал ты, мол, братишка» – и тут же исчез в комнате.

– Ну-ка вернись! – грозный голос с конца коридора заставил Леонида развернуться на сто восемьдесят градусов и отправиться навстречу назревающей экзекуции.

– Оля, понюхай. Пахнет же! – сняв с вешалки осеннюю куртку с капюшоном, дотошный мужчина передал жене «улику».

– Да, пахнет, – прискорбно вздохнув, подтвердила мама.

– Почему от твоей куртки сигаретами пахнет, Леонид? – поворачиваясь к подошедшему сыну, по-прежнему сурово спросил батя.

– В лифте накурено было, пропахла, наверное, – чувствуя, как торопливо мурашки забегали по спине, ответил Лёня.

«Чёртов Чекан, накурил в лифте!» – пронеслась безрадостная мысль в голове подростка.

– Да ну? Куртка сигаретами пахнет, изо рта мятой. Сто пудов курил и зажевал! Дурака из меня не делай тут! – свирепея, поделился мыслью небритый мужчина в халате.

– Я не делаю, – тихо произнёс Лёня и опустил взгляд вниз.

– Всё понятно! Пойдём ремень выбирать, мало я тебя лупил видимо! – вынес приговор отец.

– Не надо, я не курил! – голос сына предательски дрогнул.

– Что не надо? Ты мне обещал, что курить не будешь, а одежда воняет! Где сигареты брал? У меня, небось, из пачки вытащил?

– Не вытаскивал я, – всхлипнул Леонид.

– Ладно, Слав, не надо! От него же не пахнет, за руку ты его не поймал, – заступилась за сына мама.

– Без «адвокатов» разберёмся! – пресёк вмешательство в мужской диалог Вячеслав и снова обратился к сыну:

– Последний раз спрашиваю, если честно ответишь, бить не буду, соврёшь – отлуплю, – отец сделал тактическую паузу, – курил?

Леонид молчал. Ладони стали сырыми, футболка на спине покрылась испариной, а лицо горело огнём. Он не знал, как быть. Сказать, что курил, надеясь на милость, или стоять на своём? Внутри него поселились зачатки колебания.

– Я не слышу ответа, Леонид. Повторяю вопрос: ты курил? – ещё строже и напористее наседал отец. Еле сдерживаясь от слёз, Лёня тихо ответил:

– Не курил я.

– А ты стойкий! – подытожил батя, – не сознаёшься.

Было ли это укором или комплиментом, по интонации было не ясно. Но тут неожиданно в диалог вмешался новый, доселе неведомый участник:

– А ну-ка прекратите давить на ребёнка! Что за Гестапо вы здесь устроили? – послышался возмущённый голос из бабушкиной комнаты.

Все, включая Лёню, застыли на месте. Отец, который до сего момента был хозяином положения, осёкся и тихо обратился к жене:

– Оль, скажи, чтоб не вмешивалась, сами разберёмся.

Но жена лишь развела руками, давая понять, что «тяжё- лую артиллерию» в лице её мамы было уже не остановить.

– Тоже мне тут благодетель нашёлся, сам курит, а сы- на терроризирует. Какой вы пример подаёте ему, Вячеслав? Хоть бы сигареты свои прятали, а то на каждом шагу валя- ются. В доме запах табака стоит от вас, не стыдно? – скрипя половицами, бабушка Леонида, появилась в противополож- ном конце коридора, твёрдо встав на защиту внука.

– Понятно всё! – махнул рукой раздосадованный батя и шагнул из коридора в зал, в котором громко работал телеви- зор. Напоследок он кинул всё ещё стоящему перед ним сыну:

– Считай, что сегодня пронесло, но мы ещё вернёмся к этому разговору.

Леонид с облегчением развернулся и направился в сторо- ну своей комнаты, напротив которой в коридоре всё ещё шла в атаку его родная бабушка:

– А ты, Оля, куда смотришь? Что за безобразие такое, а? Это же ребёнок! Школьник! Разве можно так?

Проходя мимо неё, внук улыбнулся и тихо сказал:

– Спасибо, бабуль!

После он закрылся в своей комнате и, подойдя к окну с за- ткнутыми поролоном щелями, взглянул по ту сторону стек- ла.

В темноте таинственно скрывался широкий двор, укры- тый уже безлистными деревьями. За посадкой меланхолично тянулся ряд гаражей. Над ними вдалеке на необъятной тер-

ритории завода зловеще торчали две красно-белые трубы. Из них в мрачное осеннее небо по-прежнему валил серый дым.

Лёня перевёл взгляд вправо, и в глаза бросились окна деревянного дома напротив бетонного забора с колючей проволокой. Там жил Саня Малой. В его комнате горел свет.

Вглядываясь в тёмное очертание деревянного жилища, Лёня задался любопытным вопросом: «Интересно, как там Санёк? Прошёл проверку?»

08–11.09.2021

Коммунист

Девяностые в Dark Zone, как и в стране в целом, проходили разгульно и весело. Среди наркоманов, алкоголиков, уголовников и прочих асоциальных элементов, которые составляли костяк района, находились действительно нестандартные личности с собственной идеологией и харизмой. Одной из таких персон был Сергей Коммунист. Мужчина средних лет, который не уронил Красного Знамени даже после распада горячо любимой им Советской Империи.

Красное Знамя гордо реяло над его трёхэтажным частным домом во все знаковые праздники, такие как Первомай и День Победы. Он не признавал новой власти и жил по канонам прошлого, возводя в культ Сталина. Принципиально не покупал иномарки, а ездил на старой копейке, хотя, судя по упомянутому выше трёхэтажному дому, не бедствовал.

Как настоящий коммунист он не признавал буржуйской частной собственности и частенько шутил по поводу просторных соседских домов: «Когда мы снова придём к власти, в этом доме будет детский сад, а в этом школа, а их хозяйка на лесоповале». Когда же в ответ он получал намёк на свой просторный дом, то отвечал, что сразу же отдаст его под школу, для этого, мол, и строил.

Но строгая идеология в нём комфортно соседствовала с обычными человеческими пороками. Стандартный порок

русского человека – наполненный гранёный стакан. Как известно, алкоголь – двигатель авантюризма. Когда Сергей хорошенько накатывал, в нём частенько просыпался тот самый строгий и жёсткий тиран, который тяготел к расстрелам. Вот и Коммунист, дав лишка, брал в руки огнестрельное оружие, которого у него имелось в избытке, и выходил на улицу «по-стрелять».

В отличие от своего сурового кумира, стрелял он не прямо в людей, а преимущественно им под ноги. В лучших традициях классических вестернов с видеокассет, где жертве подобного обстрела приходилось подпрыгивать под шквальным огнём в сантиметрах от обуви. Видимо, идеологически Сергей был коммунистом, а в душе ковбоем, не иначе.

Если ты не являлся поклонником Иосифа Виссарионовича, то при встрече с пьяным Коммунистом имел все шансы незапланированно сдать нормативы по прыжкам в высоту, так как с противниками сталинизма он не церемонился, а незамедлительно покрывал свинцом почву под ногами. В общем, если ты не являлся фанатом Сталина и не хотел скакать сайгаком, лучшим вариантом было незамедлительного исчезнуть из поля зрения нетрезвого красного идеолога с ружьём наперевес.

Примечательно то, что огнестрельным оружием Сергей пользовался для решения многих бытовых задач. Это была его вторая отличительная особенность, помимо преданности Красному Знамени.

Выпивши, он часто любил навещать соседей по частному сектору и задавать волнующие его вопросы. Далеко не всем такие визиты доставляли удовольствие, поэтому один из его знакомых поставил кодовый замок на калитку, дабы оградиться от незапланированных встреч.

Как-то раз, наткнувшись на неожиданное препятствие на некогда доступной калитке, Сергей вышел из положения присущим ему оригинальным способом. Сходяв домой за пистолетом, он вернулся к калитке и просто прострелил кодовый замок, приведя механизм в негодность. В итоге вооружённый огнестрелом и алкогольным опьянением, красный идеолог без труда проник на чужой участок, дабы задать волнующие его вопросы соседу. А вопросов в связи установкой подобной «защиты» на вход стало немного больше.

Обычно залихватская стрельба заканчивалась довольно быстро. Местные мужики собирались в «миротворческий отряд» и обезоруживали красного дебошира. Связанный ремнями по рукам и ногам, он выходил из острой стадии опьянения и возвращался к привычной жизни.

Светлая сторона его личности, не разбавленная алкоголем, давала окружающим много хорошего. Он был мастером на все руки и многим помогал реабилитировать поломанную технику в самодельной мастерской, обустроенной в гараже. Но когда в кровь попадала новая доза огненной воды, крепкая рука откладывала в сторону инструмент и тянулась к огнестрельному оружию.

Декабрь 2021

Диалог-2

– Дайте, пожалуйста, водку, вон ту, – мальчишка лет тринадцати ткнул в бутылку на витрине.

– «Кристалл» которая? – поинтересовалась необъятная продавщица лет сорока.

– Ага, – неокрепший малец положил денежную купюру на прилавок.

– Какой объём нужен? Ноль пять, ноль семь? – уточнила продавщица небольшого ночного магазина, где продавали в основном алкоголь, табак и разные закуски.

– Э-э-э, ноль семь, наверное, – неуверенно пожал плечами юноша.

– Да бери литр, чтоб не бегать лишний раз! – посоветовала продавщица и широко улыбнулась.

– Ну-у-у, давайте тогда литр, – согласился малолетний покупатель.

– Ещё тридцать рублей тогда надо, – продавщица посмотрела на одинокую купюру.

– Э-э-э, сейчас посмотрю, – мальчуган полез в карман шорт и извлёк оттуда тяжёлую кучу монет разного размера, – пять, семь...

– Давай помогу, – объёмная продавщица заглянула в ладонь малолетнего клиента и начала доставать нужные монеты сама, – девять, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать

пять, тридцать. Всё. Пакет нужен?

– Ну да, наверное, – снова пожал плечами неуверенный отпрыск.

– Тогда ещё пять рублей, – пухлая ладонь женщины раскрылась перед подростком.

В неё упала пятирублёвая монета «орлом» вверх, и через мгновение деньги исчезли в открытой кассе. Вместо них на прилавке появилась прозрачная литровая бутылка сорокаградусной и чёрный пакет с рисунком.

– Спасибо! – засовывая литр водки в пакет, воскликнул паренёк.

– Пейте на здоровье! – с неподдельной искренностью пожелала продавщица в ответ.

Мальчуган вышел из магазина с пакетом в руках и пошёл домой. Дома с покупкой ждал отец.

14.11.2021

А время не подскажете?

Подростки шли мимо девятиэтажного дома. Перед ними раскинулся знакомый двор, где среди старых яблонь и берёз играли дети. По соседству на самодельной деревянной лавочке сидели местные мужики и пили пиво. Район жил «днём сурка». Общая картина здесь менялась редко. Всё те же лица, всё те же занятия.

День выдался жарким. Солнце вгоняло в пот. Но тень от высокого дома приятно холодила три юных тела, что бесцельно шатались по району. Под их ногами был выложен год основания дома: 1984. Число представляло собой камни, застывшие в асфальте. Беззаботно хохоча над чем-то, ребята свернули за дом.

– Ноги шире, б...ь! – раздался чей-то грубый возглас.

Смех подростков затих. Они внимательно смотрели прямо перед собой. В торце дома, куда они только что свернули, стояла легковая машина. На её багажник был завален мужчина, руки которого были заведены за спину. Его туловище лежало на капоте, а ноги стояли на земле. То есть в таком положении он представлял собой букву «Г». Сразу за ним стоял пухлый мужчина в серых шортах и майке. В нём трое подростков узнали Воробья. Тот известный всем местным наркоманам оперуполномоченный, что любил проводить подъездные рейды. Целью данных мероприятий являлся отлов

«кайфующих» с последующей экзекуцией.

И вот сейчас среди бела дня он грубо заламывал какого-то доходягу в порванной зелёной футболке, синих шортах и коричневых сандалиях.

– Ноги развёл шире, кому сказано! – глухой удар сделал свое дело, и левая нога доходяги уехала влево.

– Вторую шире поставь, б...ь! – властный и грубый голос Воробья снова донёсся до ушей школоты. После этой фразы последовал удар по правой ноге.

Рядом стоял второй мужик, одетый в джинсы и футболку. По всей видимости, он тоже являлся сотрудником органов. Облокотившись на край капота, мужик с усмешкой наблюдал за действиями увлечённого Воробья.

Трое подростков поравнялись с машиной. Озабоченные заломом доходяги милиционеры не обратили на них никакого внимания. Три юнца могли бы молча пройти мимо, но в поисках адреналина один из них зачем-то обратился к Воробью:

– А время не подскажете?

Короткостриженная голова оперуполномоченного повернулась в их сторону. По его широкому лбу текли многочисленные струйки пота. Крепко сжимая руки брыкающегося худого типа, он в недоумении посмотрел на подростка.

– Время подсказать? – переспросил он.

– Ну да, – кивнул подросток.

Убрав левую руку от скрещенных рук задержанного, Во-

робей поднёс наручные часы к лицу и, прищурившись, посмотрел на них.

– Без пятнадцати четыре, ребят, – спокойно ответил он.

– Спасибо! – кивнул задавший вопрос подросток.

– Пожалуйста! – вежливо ответил Воробей и, снова переключившись на ёрзавшего по капоту доходягу, незамедлительно произнёс: – Не дёргайся, сука! Ноги развёл, б...ь!

Подростки зашагали в направлении парка, а Воробей защёлкивал наручники на руках лежавшего на капоте человека.

Жаркий летний день был в самом разгаре.

27.06.2021

Володя Каменный

Безлюдный пустырь, заботливо спрятанный за густой растительностью и проржавевшими стенами гаражей, был пристанищем для своих постоянных посетителей. Старая садовая яблоня прохладной тенью укрывала сидящих полукругом подростков. Кроме них в загаражье не заходил практически никто. Это была их территория, свободная от посторонних глаз и всевидящего ока родителей.

Возле кучи переломанных досок по-пацански сидя на корточках, курили трое: Гоша Скейтер, Костя Писк и Саня Малой. У каждого в руке было по целой сигарете марки Bond. В стороне от них обделённый куревом и уважением сидел Вася Горелый. Он был самым слабым звеном компании.

Переломанные доски, из которых местами торчали гвозди, недавно являлись полноценным сараем для тусовок. Пьяные «старшаки» разломали его пару дней назад. Теперь парням придётся искать новое место для строительства «убежища», а пока приходится просто сидеть на корточках между стенами гаражей и деревьями пустыря.

– Слышь, Горелый, – обратился к единственному не курившему среди них человеку Гоша Скейтер.

– Ну, – отозвался Вася.

– Чего ты нукаешь? Надо отвечать: «Да, сэр!».

Горелый промолчал и опустил голову.

– Повторяй: «Да, сэр!», а то встану и всеку! – повысил тон Скейтер.

– Да, сэр! – решив не испытывать судьбу, пробубнил себе под нос Горелый.

– Чего ты там верещишь, а? Громче надо говорить! – встал свои пять копеек Костя Писк.

– Да, сэр! – недовольно, но заметно громче ответил Горелый.

– То-то же! – удовлетворённо произнёс Писк, подмигнув Скейтеру.

Скейтер в ответ глубоко затаился и, скосив довольную улыбку, выпустил дым в окружающее пространство.

Так как на Горелого обратили внимание, то был велик шанс, что моральная, а возможно и физическая экзекуция слабого духом незамедлительно продолжится.

– Горелый! – снова обратился к нему Гоша, делая глубокую затяжку.

– Да – пробубнил тот.

– Да он издевается – в предвкушении «веселья» Костя резко встал с места и сделал шаг в сторону Горелого.

– Да, сэр! – моментально исправился последний, но было поздно: резкий шлепок ладони по затылку звонким эхом отразился в пространстве.

– Ай, – получив «леща», вскрикнул Горелый.

– От меня ему ещё добавь, а то вставать неохота, – лениво произнёс Гоша, не меняя позы.

Костя обошел Горелого сзади и с размаху влепил ему бронебойного пинка. Жертва подростковой забавы тут же вскочила на ноги и ухватилась за пятую точку обеими руками. К чириканию птиц на ветках добавился новый жалобный крик: «Ай бл...».

– Такой ты дурак, Горелый. Не можешь запомнить, как отвечать надо? – вмешался в ситуацию Малой, до этого молча куривший рядом со Скейтером.

Горелый стоял молча, закрывая руками пострадавшее сидалище. На его лице отображались смешанные чувства: жалость к себе и ненависть к окружающим. Но сказать что-то поперёк он не решался. Костик снова поднял правую ладонь для удара по затылку, но его опередил взволнованный голос Горелого:

– Понял я, понял. Надо отвечать: «Да, сэр!».

– Какой молодец! – издевательски выдавил Костик и зарядил ему ещё один звонкий подзатыльник. После резкого удара Горелый оторвал руки от пятой точки и схватился за голову.

Все, кроме угнетённого малолетнего неудачника, дружно расхохотались. Костик, выплюнув докуренную сигарету на землю, вернулся в круг равных и сел на корточки. Горелый, не убирая рук от головы и жалобно всхлипывая, тоже медленно вернулся в сидячее положение.

– Короче, Горелый, плохие новости для тебя, – снова подал голос Гоша Скейтер.

– Какие? – сквозь всхлипы обиды, отозвался слабый духом.

– Тут пацаны сказали, что тебя ищет один авторитетный человек, – Володя Каменный.

– Кто это? – спросил недоумевающий и жалко выглядевший персонаж.

– О-о-о, это серьёзный дядя. Весь город держит, на площади возле ДК тусуется. С ним лучше вообще не шутить! – максимально серьёзно и настороженно проговорил Гоша.

– А что я ему сделал? – снова всхлипнув и убрав руки от головы, пробубнил Горелый.

– Не скинул вобщак! Все должны скидывать, а ты не скинул, поэтому он не доволен и ищет тебя, дурачок, – покрутил пальцем у виска Саня Малой, – если он тебя найдёт, то удары Костяна покажутся тебе цветочками. Понимаешь?

Горелый забыл про недавнее унижение и, вытаращив глаза, покорно кивнул.

– Всё так! – поддержал Малого Гоша, – но выход есть! Хочешь узнать какой?

– Да.

– Опять неправильно ответил! – подорвался Костя Писк, но Гоша остановил его жестом.

– Выход прост. Завтра к девяти утра под этой деревяшкой должно лежать двести рублей, – Гоша указал на сырую от недавнего дождя доску, из которой торчал гнутый гвоздь.

– Триста! – тут же вмешался Малой – передали, что три-

ста!

– Триста значит триста! – не стал возражать Гоша.

– Мы передадим через пацанов Володе Каменному, он в девять придёт и заберёт. И не дай бог не положишь! Тут уже никто тебя не спасёт! – продолжил общую мысль Костя Писк

– он знает, где ты живёшь.

– Тебе понятно? – подытожил Гоша.

– Да. В смысле да, сэр, – еле слышно пробурчал Горелый.

– Красавчик! – довольный Гоша сложил губы кругом и умело выпустил в воздух дымовое кольцо, – ладно, Горелый, так и быть, оставлю тебе пару затяжек...

* * *

Солнечные лучи привычно легли на зелёные листья растений, запустив извечный процесс фотосинтеза. Над водоёмами ещё не рассеялся утренний туман, а по росе уже рассекли коричневые сандалии в белых носках. Озираясь по сторонам и стараясь идти незаметно, Горелый юркнул в щель между двумя металлическими гаражами. Через мгновение он оказался на привычном пустыре посреди переломанных досок. Из кармана зелёных шорт он достал нужную сумму.

Горелый аккуратно приподнял верхнюю доску с гвоздём и, положив под неё три купюры по сто рублей, вернул её на место. Чтобы вдруг не встретиться с опасным и авторитетным Каменным Володей, он пришёл без пятнадцати восемь.

Выполнив условие своей безопасности, Василий стремительно покинул загаражье и направился в сторону дома.

* * *

Площадь у ДК была полна народу. Под высокой стелой горел «Вечный Огонь». Молодые мамы с колясками и любовные пары беспечно гуляли вокруг него. Толпа энергичных, неусидчивых детей пяти-шести лет носилась неподалеку. Раскалённый от солнца асфальт рассекали колёса роликов и велосипедов. На бордюрах, надувая пузыри из жвачки, сидели подростковые компании. Около набережной громко храпел какой-то нетрезвый организм, растянувшись по всей длине лавки. Жаркий летний день был пропитан жизнью и движением.

И лишь Володя Каменный неподвижно возвышался над площадью. Он не обращал внимания на окружающие его события, щедро подставив свою твёрдую лысину под голубиный помёт. Он не был знаком ни с какими пацанами и не догадывался о существовании Горелого. Уже который год, застыв в безмолвии, Володя Каменный смотрел куда-то вдаль. Его правая рука указывала в направлении так и не наступившего светлого будущего.

15.06.2021

Зацеп

Одним из популярных развлечений девяностых-нулевых среди уличной юности был зацеп. Видов такого экстрима было несколько, но классикой являлся железнодорожный вариант. «Погнали на зацепе» – устойчивое выражение тех лет.

Суть данной затеи заключалась в перемещении на пригородных электричках не внутри, а снаружи. Кабины старых электропоездов были оборудованы ручками, которые предназначались для мытья лобовых стёкол. Там же, на внешней стороне кабин, имелись выступы, на которых можно было стоять. Именно благодаря этим незамысловатым приспособлениям, орды малолетних романтиков бросали вызов судьбе.

Для обывателей было нормой видеть «внешних» пассажиров в хвосте железнодорожных составов. Причём количество таких «неформалов» могло достигать до двузначных чисел. Зацеп был не просто баловством, это была практически субкультура. Езда снаружи являлась достойной альтернативой внутренней трясучке.

Плюсов было несколько. Во-первых, это бодрящий адреналин, без которого не могли обойтись экстремальные уличные юнцы. Во-вторых, это ощутимый комфорт, по сравнению со сплюснутыми пассажирами внутри – можно сказать, бизнес-класс. В-третьих, отсутствие контролёров, которые создавали дополнительные хлопоты идейным безбилет-

никам.

Из минусов стоит отметить следующее: возможность остаться инвалидом, нечаянно сорвавшись с несущейся железной махины, и быть пойманным милицией.

Но это жизнь, в которой всегда присутствуют две стороны медали. Улицы постсоветского пространства были наполнены всевозможными рисками. А пресловутый зацеп – всего лишь один из них.

Основу «зацеперов» составлял безбашенный молодняк восьми-шестнадцати лет, ищущий острых ощущений. Но, бывало, таким образом перемещались вполне сформировавшиеся личности возрастной категории от двадцати до бесконечности.

Взрослые любители экстрима гоняли на зацепе по большей части летом, из-за невыносимых условий проезда внутри. Когда атмосферой овладевал испепеляющий летний зной, перемещение в сплюсненном состоянии было равносильно пытке. В забитых до отказа вагонах и тамбурах приходилось ехать от двадцати минут до нескольких часов. При высоких температурах в длинной консервной банке под названием «электричка» вся кожа превращалась в текущую липкую массу.

Кондиционеры? Таких слов тогда никто не знал. А если и знал, то только понаслышке. Нередко люди падали в обморок в сдавленном тамбуре или вагоне. Точнее, пытались упасть, но будучи зажатыми со всех сторон такими же пот-

ными телами, зависали в воздухе, немощно обмякнув. Бесчеловечные условия проезда в транспорте, можно сказать, породили эту экстремальную альтернативу.

Человек, который решался ехать на зацепе, уже качественно выделялся из общей массы тамбурных терпил. Он уже проявил некую креативность, уйдя от общепринятых правил. Поэтому фантазия таких людей никогда не стояла на месте.

Ездили на разной высоте торца кабины, висели на боковых зеркалах, забирались на крышу электрички. Бывали случаи, когда «зацепер» умудрялся провозить с собой велосипед, зацепив его тросом за ручку кабины!

Ограниченность пространства ничуть не смущала любителей экстремальной езды. Казалось бы, ну куда ты лезешь, дружище? Народу уже через край! А он, тем временем, втиснется в какой-нибудь уголок сверху или снизу, сядет или встанет на выступ кабины, а возможно скажет: «Пусти, на крышу пролезу». Так и гоняли.

Обдуваемые ветром, сквозь снегопады, дожди и ослепляющее солнце, носились в хвостах электричек бравые «зацеперы». В молодую непокорную кровь ярим напором влетали дозы адреналина. Однотонное железнодорожное полотно, уходящее вдаль через леса, поля, заборы, строения и остановочные пункты, помнит те отчаянные времена.

Такие развлечения сопровождалось постоянными нападениями электората. От крутящих у виска прохожих, которые

кидались нелестными комментариями, до бегающих с битами машинистов и милицейских облав. Одно время на кабинах электричек даже срезали ручки, чтобы не за что было держаться при езде. В общем, борьба с опасным досугом шла по всем фронтам.

На зацепе царила своя атмосфера: отъезжая от очередной станции, участники обычно расслаблялись и начинали беззаботно общаться, стрелять друг у друга сигареты или молча наслаждаться меняющимися пейзажами.

Но как только электричка начинала тормозить перед следующей платформой, начиналась напряжённая активность. Те, кто ехали сбоку, с опаской выглядывали из-за угла кабины для оценки обстановки: нет ли на платформе милиции или сотрудников РЖД. Люди стягивались вниз, ближе к рельсам, для того, чтобы успеть спрыгнуть и убежать в случае возможного «шухера» на остановке. Те же отчаянные «хлопцы», которые сидели на крыше, ложились и отползали от края, дабы не быть замеченными.

Одним словом, при езде сзади риском было наполнено каждое мгновение. Отмороженная молодость, созревшая в хаосе девяностых и ещё не вкусившая виртуальной реальности в нулевых годах, развлекалась под стать своему времени: слабоумно и отважно.

24–25.11.2021

Зацеп. Часть 2

Железнодорожный зацеп, как уже было сказано, являлся классикой жанра. Он был доступен всесезонно и для всех желающих. Но помимо «мейнстрима», существовал более узкоспециализированный сезонный вариант. Так сказать, для истинных фанатов. В этом случае всё было сложнее, ведь зацеп, о котором пойдёт речь, мог получиться только зимой и только при определённой сноровке.

Для его реализации были необходимы два главных условия: наличие заснеженной дороги, желательно со льдом, и машина, предпочтительно грузовая. Цель: зацепиться за задний бампер грузовика и, сидя на корточках, скользить по льду. При этом надо было умудриться оставаться незамеченным для водителя, ведь мало кто был рад такому «прицепу».

С заснеженными дорогами на зимних поселковых улицах проблем не было, а вот на машины велась настоящая охота. Это не электрички, что ходят по расписанию. Здесь нужно было поймать момент.

Единственный грузовик, который можно было подловить в более-менее определённое время в определённом месте, – это ГАЗ с надписью «Хлеб». Он регулярно курсировал до местного магазина и обратно. Но поймать его можно было лишь на выходных и каникулах, так как приезжал он преимущественно утром. В будни застать его мешала школа.

Также охота на грузовики шла тёмными зимними вечерами у ворот завода, на котором им ставили кузова. Данное предприятие располагалось на окраине района.

Иногда подворачивались «буханки» разных служб, по типу газовой или аварийной. Порой оголтелая юность не брезговала и мусоровозами. Ну и скорая помощь – она чем хуже? Про скорую ходила злая шутка: мол, заедут ноги под колесо, и ждать никого не надо, скорая уже здесь.

«Ноги под колесо» – главная фобия автомобильного зацепа. Шанс имелся. Но тут, как и в случае с ЖД-зацепом: кто не рискует, тот не катается. Точка.

Найти стоящий на месте грузовик, что планировал сорваться с места, было несомненной удачей. Цепляться за машину на ходу было неудобно и травмоопасно. Это практически гарантированный провал операции. А вот стартующий с места объект – дело совсем иное. Оставалось лишь незаметно пристроиться сзади и, схватившись за бампер, ожидать, когда аттракцион запустится. Обычно сигналом к запуску был повернутый ключ зажигания и характерный шум мотора.

Как и в случае с поездами, нужно было быть начеку. Бывало, водитель замечал «лишний груз» в зеркало заднего вида и стремительно выскакивал на смешанный с копотью снег, сопровождая свои действия матом и угрозами. Тут срабатывала реакция и инстинкт самосохранения. За доли секунды, рассекая морозный воздух, бригада «авто-зацеперов» отбе-

гала на безопасное расстояние и покрывала водителя ответным шквалом мата.

Но если водила был не особо внимательным и машина трогалась, начинались секунды восторга. Почему секунды? Потому что автомобильный зацеп длился намного меньше железнодорожного, где можно было долго мчаться от станции к станции, зависнув на выступах кабины.

Здесь же всё зависело от скорости, наличия снега/льда под ногами и расстояния до трассы, к которой примыкал населённый пункт. Бывали места, где из-за проложенных труб снег отсутствовал, и ехать по асфальту не представлялось возможным, нужно было срочно отцепляться. Очень сильный разгон сулил вышеупомянутой угрозой – заехать ногами под колёса. А если удавалось домчаться до выезда на трассу, тут и дураку понятно, нужен был срочный отцеп. Существовал риск залететь в открытый канализационный люк или под колёса едущей следом машины.

В общем, развлечение то ещё. Но кипящая молодая кровь не искала уюта и спокойствия, она требовала адреналина. И она его получала. Кто не рискует, тот не катается. Точка.

26.11.2021

Бизнес

Слово «бизнес» всегда ассоциировалось с серьёзными дядьками в пиджаках, кейсами для денег, дорогими тачками и прочими атрибутами навалившегося на постсоветскую Россию капитализма. В девяностые, по понятным причинам, в умах обывателей между «бизнесменами» и «бандитами» ставился знак равенства.

Но предпринимательская деятельность была присуща не только сформировавшимся мужчинам в пиджаках. Её зачатки проявлялись и у совсем не сформировавшихся юнцов в футболках и шортах, которые были далеки от серьёзных финансовых оборотов, но, тем не менее, стремились добыть себе денег на карманные расходы. Потребности беззаботного малолетства были минимальными, поэтому получение любой, даже самой незначительной суммы было за радость. Бьющая через край энергия молодости хваталась за скромные возможности постсоветской эпохи и брала своё.

При правильном взгляде на ситуацию заваленные мусором родные улицы превращались в «остров сокровищ». Для кого-то стеклянная бутылка в кустах – это бесполезный мусор, а для юного «бизнесмена» – это целый рубль в пункте приёма тары. Для кого-то скрюченная железяка на свалке – это просто скрюченная железяка, а для юного «бизнесмена» – это ресурс, сулящий «подъём» в пункте приёма метал-

лолома.

Шумная трасса с бесконечным потоком машин на окраине посёлка – это практически готовая автомойка. Осталось только вынести из дома пару вёдер и несколько губок, набрать ледяной воды из колонки и написать маркером на куске картона: «мойка машин». Небольшой состав «корешей» и обочина трассы запускают незамысловатые бизнес-процессы со смешными, с точки зрения «дядек в пиджаках», финансовыми оборотами. Но каждый заработанный самостоятельно «полтос» подобен триумфу.

Добыча «полезных ископаемых» и оказание услуг – это базовый уровень малолетнего предпринимательства. Вишенкой на торте являлась торговля. Торговать можно было всем, что попадалось под руку: семечками, жвачками, ветками цветущей сирени, значками и всякой всячиной. Людное место и прилавок в виде какого-нибудь ящика – всё, что было нужно для запуска «торговой точки».

Гонения со стороны взрослых конкурентов и милиции разбавляли молодую кровь бодрящим адреналином. Взгляд на мир через призму подросткового пофигизма – лучшее лекарство от царившей вокруг безнадёги. Когда очередная напасть – это новый повод поржать, жизнь кажется бесконечно весёлой игрой.

Неугасаемая энергия молодости всегда подталкивала к совершенствованию и новым горизонтам. Топом малолетней торговли стала продажа варёной кукурузы. В лучших тради-

циях Никиты Хрущёва.

* * *

– Вы чего, кукурузу продаёте? – парень лет двадцати пяти, в белой майке и серых джинсах встал перед ватагой подростков.

Незрелые продавцы в составе шести человек сидели рядом с термосумкой. Кто-то из них восседал на деревянных ящиках, кто-то на корточках. В руках двоих из них дымили прикуренные сигареты. На стенке клетчатой сумки был приклеен белый лист бумаги. На нём виднелась уточняющая надпись: «горячая кукуруза». Написана она была от руки чёрным маркером и довольно криво. Такой дизайн совсем не способствовал привлечению внимания, поэтому спускавшиеся с железнодорожной платформы люди в большинстве своём проходили мимо. Так как парень был одним из немногих, кто остановился у самопальной торговой точки, юные продавцы заметно оживились.

– Да, кукуруза свежая, горячая, вкусная – берите! – ответил короткостриженный паренёк с закрученной чёлкой в районе лба.

– И почём она? – покупатель обвёл компанию взглядом, который выражал смесь недоверия и насмешки.

– Десять рублей! – ответил паренёк с чёлкой, – вам с солью или без?

– А соль-то где? – удивился «клиент», ища глазами обещанную приправу.

– Костян, дай соль, – кинул малолетний продавец сидящему сзади товарищу.

Костян с наполовину скуренной сигаретой в руке поднял с земли прозрачную банку с солью и передал «коллеге»:

– На, Сань!

Саня же тем временем расстегнул большую клетчатую сумку, что стояла на потрескавшемся асфальте у лестницы железнодорожной платформы. Из неё в тёплый летний воздух вырывался горячий пар. В правой руке Сани появилось несколько салфеток. Лёгким движением руки он вытащил красивый жёлтый початок из горячей сумки и тут же застегнул её левой рукой, дабы не выпускать тепло. В следующий момент Саня протянул испускающую пар кукурузу парню правой рукой, в левой он уже держал банку с солью.

– Ну вы, конечно, даёте огня, ребятки! – с усмешкой в голосе проговорил редкий покупатель, посыпая горячий початок солью.

Подростки переглянулись и вопросительно уставились на «клиента». Отряхнув руку от соли, «клиент» полез в карман штанов и вытащил оттуда десятирублёвую купюру.

– Где кукурузу-то берёте, если не секрет? – продолжил расспрос странный покупатель, протягивая купюру Саньку.

– Да это... – начал Санёк, – у меня тётка на продовольственном складе работает, она и приносит, а мамка варит.

– Семейный бизнес, короче, – ухмыльнулся покупатель и снова обвёл задорным взглядом сидевшую перед ним «бригаду» торговцев.

– Ну типа того, – поддержал Санёк.

– В общем, пацаны, совет, – единственный за последнее время покупатель не спешил уходить и пытался продолжить диалог, – не сидите толпой, иначе покупателей вам не видеть!

– Это почему это? – подал голос худой блондин, что сидел на корточках справа от Санька.

– Потому что вы выглядите отталкивающе. Вот поставьте себя на место покупателя – вы бы сами к себе подошли? – парень с горячей кукурузой в руке пустился в рассуждения, – сидит шпана на «кортанах», с сигаретами и дерзостью во взгляде, таких хочется обойти. Не, ребят, без обид...

– Ну вы же подошли, – возразил Костян, который подавал соль.

– Подошёл, спору нет. А кроме меня много народу подходит? Ну вот честно... – гнул свою линию покупатель.

Подростки замолчали и начали переглядываться, загадочно улыбаясь.

– По лицам вижу, что нет. Потому что стрёмно к вам подходить! Люди сторонятся. Я подошёл чисто ради интереса, сам просто по малолетке жвачки продавал, знаю, о чём говорю... – подытожил парень.

– Блин, как всё сложно-то, – вздохнул блондин.

– Да, дружище. Жизнь – де. мо, все бабы – бл. и, а солнце – ё. ый фонарь, остановите землю, я сойду, – сказал как отрезал нетипичный прохожий.

Торговцы громко рассмеялись.

– И ещё совет: пишите цену. Вот у вас тут написано: «горячая кукуруза», а сколько стоит? Как это понять? Никак. И подходить спрашивать лишний раз не хочется, – «гуру» торговли продолжал давать советы.

– Ясно, – односложно ответил Санёк.

– Короче, делайте так: пишите цену и сидите по одному, максимум вдвоём. Остальные пусть где-нибудь в стороне кучкуются. И попробуйте притусоваться к каким-нибудь торговым рядам поближе, где люди привыкли, что торгуют. Так больше доверия будет к вам, – судя по всему «советчик» выходил на финишную прямую.

– Ага, – ответил Санёк, всем своим видом показывая, что с советами пора закругляться.

Парень наконец-то впился зубами в жёлтый, уже слегка остывший початок и перед тем, как уйти, вынес свой вердикт:

– А кукуруза, кстати, вкусная!

* * *

– Это ещё кто тут у нас? – худой милиционер кинул взгляд на двух пацанов, лет четырнадцати, что сидели на железно-

дорожном мосту станции М. с клетчатой термосумкой.

К сумке был приклеен белый лист бумаги. На нём красовалась надпись: «Горячая кукуруза. 10 рублей». На длинном железнодорожном мосту, помимо этих двоих, сидело ещё несколько торговцев, преимущественно бабушки. Кто-то торговал платками, кто-то семечками, кто-то укропом и петрушкой. Торговали прямо на ящиках, расположившись по краям оживлённого моста, где проходили толпы прохожих.

– Не знаю, первый раз их вижу, – ответил его напарник. Он был низкого роста, пухлой комплекции и с чёрными, аккуратно стриженными усами.

Двое молодчиков смотрели на подошедших стражей порядка снизу вверх растерянным взглядом. Это был новый неприятный сюрприз в их не успевшем начаться бизнесе.

– Кто вам тут торговать разрешил? – худой представитель правоохранительных структур властно повысил голос.

– Э-э-э, а чего тут нельзя торговать? – короткостриженный паренёк с закрученной чёлкой у лба ответил вопросом на вопрос.

– Можно, но нужно получить моё согласие! – ответил худой милиционер с дерзким видом хозяина положения.

– А чтобы получить согласие, нужно платить, – добавил его пухлый коллега.

– Понятно. Мы не знали, – пожал плечами малолетний торговец.

– Теперь узнали. В общем, пятихат давайте и можете сегодня здесь сидеть, если денег нет – валите отсюда, – снова включился в разговор худой.

– Нет денег, – вздохнув, ответил паренёк с чёлкой у лба.

– Тогда чтобы вас тут больше не было! Ещё раз увижу, заберу в отделение, – хладнокровно подытожил худой и насупил брови для убедительности.

Через несколько минут на месте спонтанной торговой точки было пусто.

* * *

– Короче, торговля – хрень полная, пацантрэ, – пережёвывая посыпанные солью зёрна кукурузы, сказал светловолосый Андрей Тамбовец.

– Ну да, шляпа, – поддержал Саня Малой, держа в руках испускающий пар сочный початок.

Шестеро подростков сидели на сваленном бревне за гаражами. Каждый держал в руках по кукурузе. Рядом стояла клетчатая термосумка.

– Я уже обожрался, если честно, – лениво содрав с обглоданной кукурузы очередную порцию зёрен, высказался Лёня Тихий.

– Да я тоже, – Костя Писк кинул недоеденный початок в кусты, – уже третью подряд грызу.

– Да тут полсумки ещё, жрать и жрать, – пнул её ногой

Ваня Длинный.

– Всё не схавать, домой отнесу обратно, – Саня тоже выкинул недоеденный початок в кусты, словно зажавшийся буржуй.

– На хрена там эти бабки целыми днями сидят, не понимаю? Ни о чём, – включился в разговор доселе молчавший Ильяс.

– Ну да, легче настрелять или нахлобучить кого-нибудь, – продолжил мысль Тамбовец, – сейчас дохаваем и можно к Горелому зайти. Давно он не делился с братвой...

9–18.04.2022

Need for speed²

Посёлок окутала ночь. Dark Zone принял свой естественный зловещий вид. Безлюдные переулки, укрытые густой непроглядной тьмой, и практически полная тишина – коктейль не для слабых духом. Несмотря на середину рабочей недели, по ночным улицам шастали нетрезвые группы молодёжи. Около трассы кучковались вызывающе одетые дамы не самого тяжёлого поведения. Их облик говорил за них: мини-юбки, чулки, высокие каблуки, сигаретный дым и громкая матерщина. Пока люди с заводов спали перед новым рабочим днём, «феи ночи» как раз работали. Около них стояла красная тонированная «девятка» с тремя амбалами в кожаных куртках. Так называемая охрана «точки».

В тёмном парке, неподалеку от трассы, горел костёр. От недавней солидной компании остались двое. Остальные разошлись по домам. Треск брёвен, тихие голоса и лай бродячих собак в недрах посёлка нарушали практически идеальную тишину июньской ночи. Недалеко от костра стояла почти допитая пол-литровая бутылка водки. На горлышке висело несколько белых пластмассовых стаканчиков.

– Санчо, давай бахнем по последней, и я к дому! – Летучий широко зевнул и воткнул взгляд в завораживающее пла-

² Жажда скорости.

мя костра.

– Да завязывай, Вань, давай ещё посидим, ё-моё! – Зэк явно не хотел отпускать последнего оставшегося собеседника.

– Да это ты будешь спать весь день, а мне завтра на смену чесать, – не отступал Летучий.

– Да забей на эту смену, ё-моё, надо жить здесь и сейчас! Так что не спеши... – Зэк пытался всеми силами удержать кореша.

– Ну, давай бахнем чутка, посижу и пойду. Нальёшь? – Ваня пошёл на небольшой компромисс.

– Не вопрос! – Зэк протянул ему белый стакан, снятый с горлышка бутылки.

Оба запрокинули стаканы, и обжигающая прозрачная жидкость исчезла в молодых телах. Из заднего кармана джинсов Зэк извлёк мятую пачку красного «Честера» и протянул её Летучему в открытом виде. Ваня достал сигаретку и зачиркал дешёвой прозрачной зажигалкой. Газа в ней почти не было, поэтому мозолистый палец Летучего безуспешно прокручивал маленький железный барабанчик. Зэк прикурил своим зелёным «Крикетом» и кинул Ване. Ваня без проблем поджёг слегка скошенную набок сигарету.

– А ты когда домой собираешься вообще? – задал Летучий прямой вопрос собеседнику, лицо которого блестело в пламени на той стороне костра.

– Домой? – ухмыльнулся Санчо, – да вот когда нагуляюсь, тогда и пойду. Скоро.

– Это ты про какой дом? – уточнил Летучий.

– Про настоящий дом, – глубоко затаился Зэк, – здесь тлен, однообразие, ловить вообще нечего, а дома совсем иная движуха.

– Тюрьма мой дом, судья го. он! – игриво напел Ваня Летучий.

– Всё верно! – усмехнулся Саня Зэк и кинул окурок в костёр.

– Ладно, пойду на боковую, братан! – Ваня последовал примеру кореша и тоже отправил окурок в трескучее пламя.

– Бывай! – Зэк пожал ему руку.

– Ага. А ты чего делать будешь? – уходя, кинул кудрявый молодой человек.

– Покатаюсь! – не отрывая зоркого взгляда от пламени, ответил высокий Саня.

* * *

Практически безлюдные улицы посёлка застыли в свете фонарей. Наручные часы показывали 2:45 ночи. Зэк сидел на белом спортивном мотоцикле Yamaha, в своих неизменных узких светлых джинсах, плотной кожаной куртке и остроносых чёрных туфлях. На руле висел чёрный шлем. Рукав левой руки был закатан до локтя, в правой руке виднелся шприц, объёмом три миллилитра.

Сегодня в него был заправлен не героин, как обычно, а

наркотик, дающий противоположный «хмурому» эффект. Ведь сегодня ночью не время залипать, время давить на газ. Зэк выставил руку на свет, под яркое сияние фонаря. Умелым движением он ввёл шприц в надутую вену. Амфетамин, по всем канонам подогретый на ложке, плавно вошёл в кровь, и Зэк вытащил иглу из кожи. Использованный шприц упал на асфальт. Пускай нюхают незрелые малолетки, а прожжённый и опытный наркоман со стажем знает, что введённое внутривенно вставляет в разы мощнее и быстрее.

Голова скрылась под чёрным шлемом. Рукав плотной байкерской куртки скрыл место укола. «Быстрый» стремительно расходился по крови, погружая всё тело в состояние всеобъемлющей эйфории. Безудержная энергия стремительно рвалась наружу, нарастая с каждой минутой. Не время залипать, время давить на газ!

Резкий рёв мотора разбил тленную тишину спящего посёлка. Белый мотоцикл Yamaha с рёвом пронёсся мимо ночных фей в мини-юбках и выехал на трассу.

Почти пустая ночная автомагистраль была полностью в распоряжении безудержного гонщика. Череду фонарей замелькала в глазах. В ушах стоял грозный вой мотора. Ручка газа опустилась вниз до предела. Стрелка спидометра резво рванула вправо. Зэк нёсся по пустой трассе, лихо маневрируя при встрече с редкими машинами. «Шустрый» задействовал скрытые резервы организма. Резкий выброс дофамина и норадреналина рвал тело на части.

Трасса тянулась вдаль, а молодой безработный гонщик с тремя сроками за плечами гнал «железного коня», не зная предела. Dark Zone остался далеко позади, по бокам мелькали огни населённых пунктов, леса, поля и серые заборы промзон. Уйдя на разворот, Зэк помчался в противоположную сторону. Теперь он гнал обратно, по направлению к своему району.

* * *

– Как у тебя на личном фронте? – младший сержант ДПС обратился к напарнику.

– Да расстался с этой курицей, задолбала! – открывая термос с душистым чаем, неохотно кинул лейтенант.

– Всё, Макс, прошла любовь? – младший сержант бросил взгляд на напарника.

– Да блин, тварь она, Лёх! Чего, баб мало, что ли? – отмахнулся лейтенант.

– Да баб-то полно, спору нет, – зевнул молодой напарник, – сейчас бы чего-нибудь для раскочки, а то в сон клонит.

– На «точку» может сгонять? Вот там можно нормально раскочаться! – улыбнулся сержант, – Арсен девочку подгонит, а?

– Прямо во время службы? – ухмыльнулся Лёха.

– Не, ну а чего? Нужно же скрашивать трудовые будни. Я тем более теперь одинок, – Макс отхлебнул душистый кипя-

ток из крышки термоса, – по коням!

– Ха, такая служба мне по душе! – искренняя улыбка растянулась по Лёхиному лицу.

Макс допил чай и закрутил крышку. Термос улетел на заднее сиденье. Рука лейтенанта повернула ключ зажигания. Бело-голубая машина дорожно-патрульной службы начала появляться из темноты обочины. В тот момент, когда она выезжала на асфальтированную полосу, мимо неё на бешеной скорости пролетел мотоциклист. Оставляя за собой лютый вой мотора, ночной бунтарь исчез в направлении движения экипажа ДПС.

– Это чего за демон? – присвистнул Лёха, – на такой скорости шпарит.

– Блин, надо тормозить его! Тут, как минимум, превышение! – ошавев от такого неожиданного поворота, продекларировал Макс и надавил на педаль газа.

– Эх, сорвалась «точка», – с досадой в голосе подвёл черту младший по званию напарник.

– Да успеем. Сейчас этого гонщика раскачаем на бабки и к шалавам, – включая сирену, подвёл итог старший.

Наручные часы показывали 3:30 ночи.

* * *

– Водитель белого мотоцикла, остановите транспортное средство и припаркуйтесь на обочине! – голос из громкого-

говорителя догнал летящего вдаль Зэка.

Искажённый динамиком голос утонул в громком вое млицейской сирены. Зэк резко оглянулся и оценил расстояние до преследователей, которые держались от него на солидной дистанции.

«Жить как все мне скучно, мне и смерть игрушка, скорость в крови, удачу лови!» – заветные слова песни гимном зазвучали в голове Сани.

Взбудораженный действием наркотика мозг дал команду – вперёд! На пике эйфории лихой взор устремился в бескрайнюю ночную даль, а шальная рука выкрутила газ до отказа. Мотоцикл выехал на встречную полосу и помчался по пустой трассе наперекор требованиям сотрудников милиции и инстинкту самосохранения. Рёв мотора в ушах заглушал голос из бело-голубой машины, шум сирены и всё происходящее вокруг.

– Да он явно обсаженный! – воскликнул младший сержант с пассажирского сидения, – по встречной погнал.

– Сто пудов! – согласился лейтенант за рулём, – сейчас ещё одно предупреждение дам, если не тормознет, в воздух пали!

– Остановитесь на обочине или мы будем вынуждены открыть огонь! – голос из громкоговорителя улетел вслед бешеному ночному гонщику.

Тем не менее никакой здоровой реакции со стороны мотоциклиста не последовало, и младший сержант выставил та-

белое оружие в приоткрытое окно машины.

Резкий грохот выстрела за спиной кинул новую порцию адреналина в кровь гонщика. Он как раз проезжал мимо родного Dark Zone и инстинктивно свернул с освещённой трассы в лабиринт мрачных улиц. Машина ДПС свернула следом.

Ночная погоня разбудила немало обитателей посёлка, под окнами которых проносился спортивный мотоцикл и ревущая сиреной милицейская машина. Петляя по длинным поселковым улицам и узким переулкам, Санчо понял, что нужно менять тактику. Стараясь запутать преследователей, он стал ездить исключительно по переулкам, избегая длинных скоростных заездов. В одном из таких неосвещаемых мест он резко заглох и затаился. Темнота скрыла любителя ночных покатушек.

* * *

– И где он? – Лёха с учащённым сердцебиением и чёрным табельным пистолетом в руке повернулся к напарнику.

– Затих, змей! – азартно ответил Макс, – нужно тихо ехать, он где-то рядом.

– Может, ну его? Нас же ждет любовь! – ткнул пальцем в сторону «точки» младший сержант ДПС.

– Не, нужно его принять, столько гонялись. Там полюбас можно бабла срезать. Возможно, и мотик в угоне, и наркота.

В общем, чую, пассажир не простой.

– Да, сэр! – покорно приложил руку к виску младший по званию.

– К пустой голове, Лёша... – начал лейтенант.

– Не хаами! – пригрозил кулаком Лёха.

Машина ДПС с выключенными фарами тихо ехала по переулку, в котором предположительно затих незадачливый гонщик. Зэк положил мотоцикл за куст возле высокого деревянного забора и сел на корточки рядом с ним. Во тьме он видел очертание тянувшихся вдоль переулка заборов, невысоких кустов и потухший уличный фонарь. Ночная прохлада бодрила ноздри, сердце бешено стучало в груди, он молча сидел за густым кустом и ждал развития событий.

Машина ДПС украдкой катилась мимо его куста, напряжение внутри достигло предела. Зэк затаил дыхание и начал ждать. Зловещая поселковая тьма скрывала его от пристальных взоров стражей порядка. Машина прокатилась мимо и стала удаляться. Зэк почувствовал облегчение. «Главное – соблюдать тишину и не шевелиться. Тогда всё будет ровно» – бурная мысль резко поднялась из глубины сознания и также быстро исчезла, уступив место другой.

«Аста ла виста, мусорки!» – ехидная мысль собственного превосходства приятно легла на повышенную наркотической эйфорией самооценку.

Но вдруг справа от сидящего на корточках гонщика что-то зашевелилось, и рядом с ним возникла тёмная фигура.

От неожиданности Зэк отстранился от высокого деревянного забора и посмотрел на неопознанный ночной объект. Перед ним стояла бродячая собака. От неожиданной встречи с сидящим в кустах человеком собака угрожающе зарычала.

– Пошла вон, шавка! – Саня замахнулся на нее чёрным шлемом, который держал в руках.

Сей агрессивный поступок не прошёл бесследно, собака отскочила назад и, подняв голову вверх, громко залаяла.

– Пошла отсюда! – Зэк прорычал не хуже собаки и швырнул свой чёрный шлем в незваную гостью.

Собака снова отскочила назад и залаяла ещё громче. Машина ДПС, отъехавшая от дислокации Зэка метров на сто, резко остановилась и начала сдавать назад. Заметив это, раздосадованный Зэк вскочил на ноги и бросился вдоль забора в противоположную от машины сторону.

В этот самый мистический миг нежданно-негаданно прямо над ним загорелся доселе потухший фонарь. Фонарь, который не горел всё это время, предательски осветил периметр его укрытия. Ещё никогда Штирлиц не был так близко к провалу. Убегая за лающей на него собакой вдоль теперь освещённого забора Зэк услышал за спиной грубый крик:

– Замер бл..., а то по ногам шмальну!

Зэк застыл на месте и, подняв руки, повернулся лицом к окликнувшему его человеку.

* * *

– Да он обдолбан, я же тебе говорил. Смотри на зрачки! – младший сержант посветил фонариком в лицо Сани Зэка.

– Судимости есть? – обратился лейтенант к стоявшему у забора гонщику.

– Тюрьма мой дом, судья го. он! – безразлично запел не самый фартовый в мире байкер.

Милиционеры дружно хихикнули.

– Карманы проверь! – обратился Макс к напарнику, – а ты руки на виду держи!

– Да не бойся, служивый, вот они! – Зэк был невозмутим.

– О, да тут ещё смотри что! – Лёха извлёк из кармана светлых джинсов скомканный прозрачный пакетик с белым порошком внутри, – это что такое, герыч?

Саня проигнорировал вопрос и обратился к Максиму:

– Дай покурить, служивый.

– Успеешь ещё покурить в изоляторе. У тебя тут наркота походу, плюс ещё целый букет нарушений, а если и судимости есть, то это сроком пахнет, дружок.

– Ну что ж, погулял немного, теперь домой пора, – равнодушно ответил Зэк.

29–31.10.2021

Пародист

– А можно попробовать? – Тамбовец обратился к бабушке, которая сидела на табуретке возле мешка с семечками.

– Конечно, сынок, возьми. Семечки вкусные, солёные, только пожарила, – добродушно ответила пожилая женщина с повязанным на голове платком.

Пятерня Андрея жадно вонзилась в бездонную насыпь чёрных семян подсолнуха. Через секунду несколько из них оказались во рту. Малолетний сорванец сосредоточенно двинул челюстью и после характерного хруста, шелуха полетела на землю. Всё, как в западных фильмах с видеокассет: перед покупкой товар нужно обязательно попробовать. К тому же, проба – это ещё и халявная горсть в кармане.

Друзья Андрея внимательно следили за его реакцией, ожидая вердикта.

– Вкусные, берём – сделал вывод белобрысый мальчуган в светлой футболке и ссыпал массивную горсть в карман спортштанов.

– Молодцы мои. Вам в кулёк или в карман? – засуетилась заинтересованная продавщица семечек.

– В кулёк, – ответил Тамбовец и достал мятую купюру номиналом в десять рублей из противоположного кармана.

Его спутники: Лёня Тихий и Витя Трус заворуженно наблюдали, как, зачерпывая семечки стеклянным стаканом, ба-

бушка в платке перемещала их в бумажный кулёк. Когда скрученная газета наполнилась до краёв, пожилая продавщица обменяла её на мятую купюру.

– Спасибо! – почти хором выпалили малолетние бездельники.

– На здоровье! – широко улыбаясь, ответила успешная продавщица.

Рассыпав содержимое кулька по ладоням, неразлучная троица поднялась на платформу, за которой виднелись железнодорожные пути. По ним в обе стороны ездили зелёные металлические составы, издавая характерный грохот.

Многие из них останавливались на станции и раскрывали двери. Из переполненных тамбуров на старую бетонную платформу вываливали бесчисленные потоки людей и расходились в разные стороны. Часть толпы поднималась на мост, часть спускалась по лестнице вниз. Но тамбуры при этом не пустели, а набивались новыми пассажирами и отправлялись в сторону области.

Усевшись на невысоком ограждении платформы, Тамбовец, Тихий и Трус принялись активно сгрызать запасы солёного деликатеса. Бесцельно наблюдая за непрекращающимся потоком людей, они стремительно покрывали истоптанный бетон свежей шелухой.

Неожиданно обзор заградил какой-то невзрачный персонаж с едва отросшей щетиной на пропитом лице. На вид ему было в районе сорока. Он был одет в чёрные джинсы и тём-

но-синюю рубашку. На ногах виднелись сандалии, а в глазах алкогольное опьянение.

Затмив свежесть летнего вечера крепким перегарным выхлопом, бывалый дегустатор спиртного обратился к совсем ещё «зелёным» паренькам лет по десять-одиннадцать:

– Пацаны, сыпаните семян под закусь, не в падлу, – с этими словами он продемонстрировал початую чекушку.

Каждый понемножку отсыпал в его мозолистую ладонь. Станный тип незамедлительно хлебнул из горла и, слегка поморщившись, закинул несколько семечек в рот следом за водкой. После столь оригинальной закуски он заметно повеселел и продолжил диалог:

– Чё, каникулы у вас?

– Ага, три месяца, – ответил Тамбовец, продолжая выплёвывать шелуху на бетон.

– Наслаждайтесь жизнью, пацаны, пока малые. Вырастите, уже такого не будет. Эти нормального житья не дадут, – зафилософствовал нарисовавшийся персонаж.

– Кто «эти»? – спросил Лёня Тихий и, положив семечку в рот, напористо сомкнул челюсти.

– Да эти, – мужик поднял указательный палец в ясное летнее небо, – которые трон мнут.

– А-а-а, чего они нам? – беззаботно махнул рукой Тихий, – хрен бы с ними.

– Да спору нет, хрен бы с ними, только житья не дают, твари! – мужик оскалил желтоватые зубы и стал внимательно

следить за реакцией малолетних собеседников.

Те сидели на тонкой железной ограде платформы и лениво грызли семечки.

– Сначала был этот, с бровями: «Кхе-кхе, дорогие товарищи!» – вошедший в раж мужик лихо спародировал Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

В ответ троица весело хихикнула. Незнакомец продолжил:

– А потом гриб пятнистый балаболит с экрана: «Товарищи, главное дело начать!» – с нескрываемой неприязнью забавный тип подделал голос первого и последнего Президента СССР.

Беззаботные юнцы снова весело хохотнули. Мужик же не унимался:

– А когда этот пятнистый Союз развалил и свинтил побыстрому, кто на трон влез? Правильно, седовласый: «Дорогие россияне, понимаешь!» – скривив лицо, пародийно выпалил мужик.

В этот раз троица с семечками расхохоталась от души. Забавный тип с чекушкой действительно умело подделывал голоса «вождей».

– Сколько этих рож в телеке мелькало? Бормочут там чего-то, а народ от этого лучше жить стал? Тьфу! – с отвращением пародист сплюнул на бетонную платформу, – я как пахал за гроши, так и пашу, а эти морды мне светлое будущее обещают.

Подошедшая электричка оборвала юмористически-драматический монолог. Уходя в направлении открывшихся дверей, из которых вывалил очередной поток людей, пародист дал своё последнее наставление:

– Наслаждайтесь жизнью, пацаны, пока малые. Потом будете пахать под очередное «бла-бла-бла».

Три подростка, не обременённые заботами взрослой жизни и мало смыслящие в политике, продолжали молча сплёвывать шелуху на бетонную платформу. Они как раз наслаждались самыми беззаботными годами своего пока ещё недолгого существования. Нетрезвый пророк уехал на электричке в сторону области.

02.01.2022

Ништяк-трава

– «План» пробовали, пацаны? – Коляс из старших обратился к ребятам помладше.

Три малолетних сорванца по четырнадцать-пятнадцать лет отрицательно покачали головами.

– Не порядок, сейчас попробуете! – уверенно произнёс старший и жестом подозвал своего высокого кореша, что стоял поодаль.

Высокий блондин подошёл к компании, сел на корточках и извлёк спичечный коробок из кармана светлых джинсов. Внутри коробочка виднелась трава, напоминающая зелёный чай.

Компания сидела в лесопосадке рядом с железной дорогой. По ней постоянно носились электрички, чуть реже пассажирские и товарные поезда. Тёплый летний вечер был пропитан приятным запахом костра, что доносился со стороны протяжённых поселковых участков. Среди деревянных домов и сараев величественно выделялся старый советский кинотеатр «Юность».

Белое здание с высокими колоннами и слетевшей местами краской напоминало о не так давно рухнувшем Советском Союзе. Без ремонта и должного ухода некогда величественное здание бесславно угасало, как бы символизируя собой крах ушедшей эпохи.

Напротив него, в тени берёзовых и тополиных насаждений, как раз и сидели те пятеро. Трое младших, что с нетерпением ожидали свою первую дозу «волшебной травы» и двое старших лет по шестнадцать-семнадцать, что взяли на себя инициативу «посвятить» молодых в «растаманы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.